

ДАША ЛЕВКОВИЧ

НЕЗНАКОМЦЫ

(НАЙТИ В ТИНДЕР СЕБЯ)

КОЛИЧЕСТВО РВАННЫХ ИСТОРИЙ

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Даша Левкович
Незнакомцы. Найти в
Тиндер себя. Количество
рваных историй

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=41266468

SelfPub; 2023

ISBN 978-5-532-10187-6

Аннотация

Кто они – первые встречные? Только ли те, кто посылает комплиментом бокал и черешню в баре, цветы инкогнито, развлекает бесполом флиртом с соседнего кресла в самолёте? Бродя по континентам, чужим тайнам и собственным детским травмам, героиня раскрывает правду о незнакомцах: они живут рядом годами – мужья, друзья, родители, она сама, наконец. Приложение для виртуальных знакомств становится ее психологической лабораторией и калейдоскопом собирательных образов вошедшего в кризис поколения X. В оформлении обложки использована фотография автора из личного архива. Содержит нецензурную брань.

Содержание

Это финал истории	4
Предисловие	25
Рвань первая, малая	34
Рвань вторая, сборная	61
Конец ознакомительного фрагмента.	83

Даша Левкович

Незнакомцы. Найти в Тиндер себя. Количество рваных историй

Это финал истории

Все эти люди вокруг меня – лишь те, с кем я себе нравлюсь. Подруги, мужа, консьержки, любовники, риелторы, маникюрши.

Они знают меня годами. Резкую, смелую, прекрасно образованную, но аристократично матерящуюся. Прямолинейную до хлопка. В красивых бесконечных шмотках, с дорогими непонятно откуда сумками. Спящую до обеда. Никогда не создававшую что-то с большим трудом. Далекую от труда.

Не готовит, но любит борщ.

Курит в машине.

Громко, но не пошло смеётся.

Два брака к тридцати двум.

Все легко.

Вазы вечно с цветами.

Часами смакует детские травмы с душевными отклонени-

ями.

– Сотни раз я рассказывала историю с моим отцом. В последний раз я видела его, когда мне было пять. Его не было в моей жизни. Я ничего от него не получила. Сотни раз люди слушали меня и восхищались. Открывать незнакомцу свою болезную тему – бесстрашие. Получая от тебя такой аванс уязвимости, человеку ничего не остаётся, как отдать что-то взамен. Только мне плевать на историю с моим отцом. Могу выйти на трибуну и разыграть ее в лицах. Моя болезная тема – история с моей матерью. И ее я не расскажу никому. Манипуляция? Манипуляция.

– Ты хоть знаешь, что под твоей маской. Знаешь свою болезную тему. Я сдираю с себя кожу почти каждый день. Показухи ради. Чтоб таких же голых вокруг увидеть. Но ни разу не чувствовала, что это по-настоящему. Я даже сама не знаю, что так тщательно прячу и контролирую.

– А с телом как? Что-то чувствуешь?

– То есть?

– Ты где сейчас?

– В Лондоне. На террасе сижу, в кресле, курю сигарету.

– Тебе удобно?

– Да... Мм... Погоди... Не знаю...

– Не спеши, прислушайся.

– Икры давит. Подняла и положила ноги на стул напротив, он металлический и впился в икры.

– Положи ноги по-другому.

– Готово.

– А курить хочешь?

– Ха-ха. Нет.

– Затуши сигарету.

– Готово.

– Сделаем одно упражнение?

– Давай. Только не проси меня затушить сигарету об свою ногу. Я ведь смогу.

– Знаю.

– Давно потерялась в уровнях физической боли. То ли не болит, то ли пора пить таблетку, то ли вызывать скорую.

Я не нравлюсь себе, когда с мамой на кухне. Недовыросшая, недосостоявшаяся, недолюбленная. Жалкая.

Два развода к тридцати двум.

Амбиций да гонора выше крыши, а сделано ноль. К тридцати двум.

От этого ещё и раздражительная, взъерошенная как жалкая бесполезная птица.

Будто мама знает неприглядный секрет, что я скрываю от всех. Она знает, а я не знаю. И он стыдный ужасно, делающий мое существование абсолютно бессмысленным, лишаящий меня хоть какой ценности.

Единственный человек, с которым мне приходится общаться тряпичной куклой-перчаткой себя жалкой. Осталь-

ных таких зрителей я истребила. Да и как общаться? Раз в неделю по видео в вцапе. Мама в вцапе всегда на своей кухне. Желтоватый стол, покрытый лаком. Светлая столешница за спиной. За окном стадион с расчерченными зелёным беговыми дорожками. Мама в свободной светлой футболке или в одном из хлопковых принтованных платьев, что я подарила. Зеленое или терракотовое. Я – всегда по-разному. Лондон, Кенсингтон, викторианский особняк, камин и фишашки. Темноватый пляж Эль Дюк, Испания, салатовое полотенце. Колониальный завтрак на глазах у Сахарной Головы в Рио. В вечернем платье, в мужской сорочке, в мокром купальнике. И каждый раз я – жалкая, проигравшая, несостоявшаяся, мечущаяся по миру и мужским сорочкам, с обрубленными корнями. Вижу ее в телефоне, и вдруг чувствую все это в себе разом, отчетливо вдруг чувствую, как устала от неопределенности. Как не удалась. Мама – всегда встревоженная, не знающая, как вести себя со мной, улыбающаяся невпопад, зачем-то рассказывающая про совсем чужих нам обоим людях.

От результатов очевидного нарушения пищевого поведения спасает только, наверно, генетика. Ощущение постоянной тревоги и пустоты заставляет отвлекать и заполнять. А заполнять себя проще всего едой. На свиданиях в ресторанах на тебя смотрят. А дома нет. Стала покупать продукты только на один приём пищи, иначе могу съесть абсолютно все, что бы не купила, за раз. Абсолютно не испытывая чув-

ства голода.

За что ты решила так себя наказывать? Обращаться жестко, непримиримо, едко себе ухмыляться, глаза закатывать?

– Так, я понимаю, здесь нужно отключить своего собственного внутреннего психоаналитика и начать делать глупости... Тогда мамой будет вот этот чайник.

Чайник пластиковый и пузатый, но довольно свежий. И пустой, что не понять, пока не возьмешь в руки. Символично.

– Отлично, Даша, теперь поставьте его, где хочется, – Света наблюдает такое регулярно. Расстановки помогают особенно тем ее пациентам, что не могут избавиться от мании все контролировать. Свете самой не больше тридцати пяти, у нее графичное рыжее каре с острой челкой, которое ей идет, и раздутая эмпатия. Поэтому пациентам, на час между стрессом и стрессом вбегающим в ее кабинет на Смоленке, она предлагает разуться и внушительных размеров плюшевого слона.

Даша зависает в центре комнаты с чайником в руках. У разутых ног (люди в носках всегда выглядят нелепо) подкрепляет сюр поставленная ей минутой раньше светло-голубая фарфоровая чайная пара.

– Предсказуемо, но все же поставлю чайник рядом с чашкой. Так сложно не анализировать!

– Папу куда?

«Папа» – жестяная с нечитаемой функцией буква «В» уходит на подоконник.

– Итак, вы – эта чашка. Ваша способность принимать решения – этот масляный фонарик, и его вы ставите в чашку. Папа – подставка для книг...

– О, это подставка для книг?!

Света мягко улыбается Дашиной неспособности прекратить позировать и продолжает описать.

–...и он в стороне от чашки и чайника – на подоконнике. Мама – чайник.

– Тема!

Отец как обычно сидит на моем низком деревянном детском (но по-советски выносливом) стульчике, в руках джойстик от «Денди», в телевизоре «Танчики». Синие трикотажные домашние брюки, очки с толстыми линзами напряженно не отрываются от экрана. Тонкие губы поджаты. Много раз при мне он прибивал и стачивал доски (которые я держала на всю шестилетнюю выдержку) или носил что-то тяжелое. Губы всегда были также крепко сложены. Никогда не видела, какой он с подчиненными. Наверное, поджимает губы еще сильнее, раз уж так поджимает за игрой в приставку. И говорит с ними еще тише и еще медленнее.

– Тема!! Чайник!!!

Удивительно, как пронзительно может кричать человек, который изъясняется обычно тише тихого.

Отец сидит на моем стульчике, потому что я в его кресле с ногами, как в гнезде. Кресло покрыто плотным пледом-ковриком с бордовым орнаментом. Начало девяностых. Сейчас все прикрывают ковриками, коврами и коврищами – мебель, пол, стены, сидения и даже переднюю панель в машине. Они вселяют в людей хоть какую-то уверенность в завтра, иллюзию благополучия, благосостояния и прочего всякого блага, дают несуществующую во всем прочем мягкость, а также что-то скрывают. Но мне пять, и об этом я еще не задумываюсь.

– Блядь! Чайник разрывается! Сними его, наконец! – Отец взрывается криком, всего несколькими нотами ниже визга.

Я вздрагиваю, но уже подготовленно. С первого выкрика мамино имени, даже с первого протяжного зова жестяного чайника со свистком на газовой плите, я знаю, чем все закончится. Страх контролируемый. Привычный. Подавленный. Только тело реагирует нескрываемо – от выплеска адреналина начинает колоть подмышками.

Через секунду мать яростно вырывается из ванны, на ходу запахивая халат (а может и без него), проносится на кухню, с грохотом заставляет чайник заткнуться, но замещает его голос своим.

– Что ты орешь как резаный?! Что ты вечно орешь?! Пойди и сам сними, ты видишь, я в ванной!

Чайник.

Вся квартира метров в сорок пять.

Отец на стульчике хладнокровно продолжает расстреливать вражеские танчики на экране. Я в кресле – тоже. Напарники.

Почему вы оба так страшно, яростно, нелепо кричите?

Почему ты сам не снял этот чертов чайник?

Почему я не сняла этот чертов чайник?

Почему мне стыдно и страшно до сих пор?

Почему я не плачу и не убегаю ни от стыда, ни от страха?

До сих пор.

Макс тут же открывает сообщение в воцапе и остается онлайн какое-то время. Читает. Отправлять принтскринами сырой только что написанный текст с детскими внутренностями – едва ли приближает к обретению личных границ.

– А зачем ты так много про кто во что одет и про рестораны? – разочарование и любопытство на грани с отвращением заставили его не отменять нашу юбилейную рождественскую встречу месяц назад. Первая рукопись романа дошла и до него, за ночь превратив меня в его голове из свободной, странной, гармоничной и, наверное, счастливой в просто странную. И потерянную. И, возможно, поверхностную. Когда даешь читать рукопись не прожитым тобой людям – убиваешь себя, ими созданную. Лишаешь их иллюзий, обесцениваешь их прозорливость с пронизательностью. Суицид.

Впрочем, не легче и прожитым. Людям сложно прощать за то, что они ошиблись в тебе. Особенно, если эти люди мужчины.

– Ты должна больше про детство написать, мне кажется.

Интересно понимать, почему ты такая.

– Героиня.

– ?

– Почему героиня такая.

– ...почему героиня такая. Почему ей важно это все, – безразличность ни во что не окрашивает его лицо или голос, но я ее чувствую. Это все: бесконечные свидания со случайными людьми в случайных кашемировых джемперах, заказывающими случайные такси в случайных городах. Ну, если коротко.

– Мне было интересно читать главу про детство. Она многое объясняет, и могла бы объяснять больше и чаще, напиши ты об этом еще.

Я получаю странное удовольствие от своей боли видеть его разочарование.

Мужчины. Много мужчин. Циничность. Поверхностность. Деньги. Претенциозность. Слабость. Жестокость. Но жалкость. Холодность. Неспособность найти свое место. Закрытость. Бессмысленность. Уж точно не эта начинка выдалась ему за аппетитным, возвышенным «она пишет книгу». Его несгибаемая, где-то раболепная тяга к искусству, много лет прилеплявшего его к около-культурным тусовкам,

здесь вlepила ему нежданную оплеуху. Однако интуиция не обманула: человека, адаптирующегося к чужим недостаткам столь же быстро, как Макс, найти сложно. Он любит недостатки других даже больше, чем ненавидит собственные.

И вот спустя месяц я, наконец, берусь за детство, отправляю ему первые два абзаца принтскринами в вoцапе, которые он тут же читает.

Без имени: «Молодец! Продолжай!»

D: «Не знаешь, как убрать эти голубые флажки в Ворде?»

Без имени: «Разве не здесь?» – на ответном снимке экрана нужная кнопка обведена черным. И как люди это делают?

D: «Тебе понравилось вообще-то?» – Макс давно потерял интерес быть дипломатичным. А может я просто не застала его с этим навыком. Мы оба работаем над чем-то внутри, годами барахтаясь в ловушках своего подсознания. Он пытается научиться не разрешать другим быть важнее себя, поэтому по-детски прямолинеен.

Без имени: «Ну а будут позже ответы на твои же вопросы? Почему не выключила чайник... почему не убежала...»

Не «не выключила». А «не сняла». Его семья уехала из Омска в Нью-Йорк до того, как металлические чайники в России обрели свистульку, но не обрели кнопку.

D: «А от этого зависит, нравится тебе или нет?»

Без имени: «Ну, отчасти да.»

Кажется, наши бесконечные «разговоры без пауз» запутывают его больше, чем распутывают.

Ответы. Я ищу их всю эту книгу. Почему чувствовать страшно. Почему нужно много людей и в то же время никто не нужен. Почему так нестерпимо хочется убежать, когда только что обнимали. Почему давать так сложно, а брать всегда мало. Почему вот это все раздевать неприглядное не стыдно, раздеваться не стыдно, а плакать – стыдно.

И да, почему я просто не пошла и не сняла чайник с плиты сама? Тогда родителям пришлось бы кричать и ненавидеть друг друга по какому-то другому поводу.

Нет, они не были ужасными. Не были злыми, не были жестокими.

Они любили меня и, не поверите, но по большей части любили друг друга.

А может и нет. Я не знаю.

Это главный ориентир, который размывается у таких людей, как я. Мы так много наблюдали за не тем на месте нежности, понимания и принятия, что любовь и стала для нас «не тем». Любовь – без свиты из сложностей, драматизма, треугольников, соревнований и преодоления – неизменно попадает в спам. Как нечто неопознанное.

– «Мужчина моей жизни»... Этот твой лондонский «пятдесят оттенков серого» мужчина твоей жизни. Не я. Вон как о нем пишешь. А я хрен с горы, который по медицине помог, устроил на работу, чтоб под ногами не болталась, и купил кровать. – смеется, но яростно сверкает глазами, – И я, кста-

ти, знал его отца. Легко быть «пятьдесят оттенков серого» на всем готовом.

– Зачем ты так? Зачем ты опять? Мне уже и оправдываться не хочется. Это же литература, мы уже говорили об этом. Я объясняла столько раз. – ей снова стыдно, но уже с раздражением – ну сколько можно?! – кроме того над «хрен с горы, который купил кровать» хочется смеяться.

Эта пара у окна, заказавшая и явно не планирующая допивать бутылку отличного красного, похоже, съехала поужинать с совершенно разных дневных занятий. Мужчина в элегантном дневном костюме, по красивому седовласый и подтянутый, высокий. Тихо, но тепло говорит, мало улыбается, зато свободно смеется. Пришел без четырех минут семь. Наверняка, рано проснулся, правильно и спокойно позавтракал, провел день в офисе и по встречам с имеющими значение людьми. Москва богата такими значительными мужчинами возраста выше среднего. И она. Молодая яркая скуластая женщина, высокая, с распущенными темными волосами без намека на укладку. Небрежно и все же модно одетая. В джемпере и узких леггинсах, почти без косметики, – а, значит, сегодня без занятий особой важности. Опоздала на семь минут, прибежала, бросила сумку на подставку, и тут же принялась виновато смеяться. В Москве таких тоже в изобилии.

Десять лет назад, глядя на них, первым делом вы сказали бы: «двадцать лет разница». Сейчас – «красивая типичная

московская пара».

– Ну, нет, я тебя сразу спросил, когда прочел твою рукопись, и позвонил из Владивостока: Даша, там все правда? Или художественный вымысел? Ты сказала, все правда от начала и до конца. И что с мерседесовским продавцом спала, и с итальянцем зачем-то за деньги. Разве их было мало...

– Деньги – всего лишь энергия.

– ...Я посчитал – это как раз тот период, когда у нас все было потрясающе. Я от жены думал уходить.

– Ну не ушел же.

– И слава богу.

– Слава богу, Володя. Что мне сделать? Что тебя больше обижает? Что я не написала про тебя? Или что написала? Что написала о ком-то еще, по хронометражу совпавшего с нашими отношениями?

– Ты написала обо мне уничижительно. «Женатый влиятельный любовник». При этом писала такие письма тогда. Я до сих пор их храню в своем секретном архиве (попросил только сына недавно его уничтожить, если со мной что-то случится). Месяц назад сидела вот так же напротив и говорила: «Володя, ты мужчина моей жизни». Даша, где ты настоящая, сама-то помнишь еще?

– А кем ты был, Володя? Как назвать женатого сорокапятилетнего мужчину, с которым я пять лет встречалась, учась на журфаке? Или по номенклатурной форме найти аналог «любимой девушке» вместо «любовница-студентка»?

– Я называл тебя любимая девушка, в этом больше души...

– В этом больше ненужного лицемерия. И нет, это не меняет главного. Я любила своего «женатого влиятельного любовника». И до сих пор считаю его мужчиной, во многом меня создавшим. Показавшим мир, научившим сдержанно и с достоинством воспринимать море, носить темные платья и снижать важность происходящего.

– Ты знаешь, я поинтересовался про Тиндер. Я-то сам точно не в курсе: для меня интернет знакомства – это что-то для извращенцев. И вот никто из моих молодых продвинутых знакомых им не пользуется. Насколько это актуальная тема в таком случае?..

Молодых продвинутых знакомых. Смешно.

– Никто из твоих «молодых продвинутых знакомых» никогда тебе не признается, что пользуется Тиндер. Но, поверь мне, и твоя новая двадцатитрехлетняя любимая девушка и твоя старая, двадцатишестилетняя, – там активно зарегистрированы.

Он всегда заказывает стол напротив этой картины. Не под – боже упаси! – а у противоположной стены. У окна, в глубине зала. Здесь уж точно знаешь, куда не стоит смотреть, и куда смотрят все остальные. Картина его приятно раздражает. Прочно прилипшая к этому месту на Довер стрит, которое его мама любит негибаемо иронично. Мама строго лю-

бит искусство. Он любит цифры и маму. И делает все, чтобы мама могла любить искусство цифрами.

Сажаешь собеседника напротив себя и спиной к картине, – и получаешь безалкогольный, разумеется, коктейль из ежесекундного и точного понимания, где ты, насколько всё в порядке и под контролем.

Лондон. The Arts Club. Пятница, двадцать один десять.

Под картиной садятся разве что эксгибиционисты. Или те, кто не бронирует. Оказаться в центре выжженного поля после апокалипсиса – и то привлекать меньше внимания.

Это один из тех хороших вечеров на шестёрку. По шкале от одного до десяти. Шкала вообще не очень нужна, когда всё равномерно благополучно. Максимальные колебания от шести до восьми. Зачем, чтобы колбасило?

Хороший ужин с близким человеком. Да, обычно ему вкуснее на втором этаже в японском, плюс там нет картины. Зато здесь есть макарони. И иногда (редко) после он их себе разрешает.

Слишком скуластая для русской, слишком высокая для европейки

Близкий человек напротив вдруг прерывает рассказ о неделе (или месяце?), что они не виделись, и сдержанно-нервно опускает на скатерть пальцы со свежим не контрастным французским маникюром. Только теперь он с неудовольствием замечает, как неуместно долго гипнотизирует острые лопатки незнакомки за спиной Кейт, что ей

(Кейт) даже приходится демонстративно обернуться.

Просто под картиной сегодня оказалась довольно занятая пара.

Брюнетка, нет, шатенка, обжигая бронзовыми сверкающими плечами, сидит в пол-оборота. Чёрное шёлковое платье на тонких бретельках, не по погоде голые загорелые ноги. На спинке стула мужской пиджак из чёрного бархата, но, похоже, она в нем пришла, а не одолжила. Видно, что высокая. По голени понятно. Лица не разглядеть, но скулы царапают даже в профиль. Смех. Был бы неуместным, не будь таким естественным.

Ее спутнику на вид не больше тридцати. В силу возраста едва ли уже можно назвать статным, но уже неуловимо по юному властным. Зачёсанные назад светлые волосы, скульптурное лицо, на котором он то и дело оставляет открытую улыбку из белых ровных зубов. В лондонских членских клубах негласно признают только один мужской образ – тёмный пиджак поверх белой рубашки. Этот блондин не исключение. Но то, как воротник сорочки держит его голову, а запонки рукава – выдаёт в нем что-то аристократическое. Но не британское. Он смотрит на неё с интересом и обожанием – два чувства, которые практически не поймаете вместе. Они в отношениях. По крайней мере блондин так думает.

Брюнетка опять смеётся. Только теперь этот смех, наконец, разоблачается очень знакомым.

Вдруг она оборачивается и мгновение улыбается прямо,

пристально и без удивления. Узнала. Точно. Она.

Совершенно не примечательная короткая встреча полтора года назад – даже интрижкой не назовёшь – так, морское приключение. Но интересное. И яркое физически. Картинки-воспоминания полетели перед его глазами полароидными снимками. С неудовольствием (второе за вечер!) он отмечает, что снимков этих многовато осталось для четырёх ничего не значащих дней, отрезанных от сегодня пятьюстами. Кейт сосредоточилась на только что поданном замысловатом авокадо (она вегетарианка, и именно это, пожалуй, делает ее рассудительной), слава богу, не замечая его повисшее в воздухе секундное замешательство.

Они с Кейт – крепкая пара подходящих друг другу детей олигархических русских эмигрантов девяностых – начала двухтысячных. Пока их отчаянные родители замаливали неуместность происхождения щедрой поддержкой искусства Объединенного Королевства, скупали дома в Белгравии, Челси и Кенсингтоне, обивали неприветливые пороги обедневших аристократов, они грустно росли в закрытых частных школах. Долго не приживались. Годами были несчастными и морально выживающими. Они заканчивали правильные университеты, с бесстрастными лицами говорили на правильном, чеканящем согласные и глотающем гласные posh английском, – все это позволяло их родителям верить, что хоть во втором колене они-таки да проникнут в парадную британского высшего класса. Некоторым даже каза-

лось полезным адаптировать свои русские имена, зачем-то читать Тургенева в переводе. Но дальше редкого соседства за тарелками из викторианских сервизов дело до сих пор не доходило. Нет ничего более пошлого и мещанского для неопрятных, заносчивых и лишенных амбиций представителей лучших фамилий Великобритании, чем амбиции, успех и новые вещи. Все то, что в крови у русских. В его гардеробной в Челси десятки брендовых и чистых кашемировых свитеров (пусть и с оторванными крикливыми ярлыками), мокасин Годс, а также обитая кожей кровать цвета слоновой кости. Все, на что он до сих пор может рассчитывать здесь, – улыбочливое и деликатное презрение, купленное втридорога.

Он почти забыл, что в течение долгих лет этот город не прекращал быть его врагом. Опасными и вражескими были бесстрастные тиски этих красивых и правильно расчерченных улиц, неприятных в своем одиноком великолепии, как обеспечивающие достойную жизнь, но не любящие родители. Итонский колледж, Оксфордский университет и неиссякаемое отовсюду непринятие – что еще делает из несуразного замкнутого мальчишки хронического трудоголика, триатлониста и едкого весельчака, искусно вычеркивающего из своих анамнезов страх прикосновений и панические атаки. Мать всегда была за правду. Поэтому у него не было шанса не узнать, что человек, чья жизнь и, особенно, чья смерть, определили судьбу всей семьи, – не был ему отцом. Что, в общем-то, не имело значения. Но на поверку навсегда отде-

лило его от сестер и его – от себя самого. Он как будто был частью семьи понарошку. Не всерьёз. С условиями и поправками. Без права быть всего лишь человеком...

Поэтому-то они с Кейт – одна из тех собирательных прочных пар, создающих пласт новой финансово самопровозглашенной английской верхушки. Партия, успешная по верхней границе допущенного для фамилии с окончанием на «ов»/«ин». Без права на ошибку.

Поэтому-то Кейт и бровью не поведет из-за пустяков.

Пара под картиной закончила ужин и в эту минуту ребячливо делит на двоих одну тарелку «Этны» (шоколадный фондан с шариком ванильного мороженого). В ее пальцах классическая шампанка, но внутри не шампанское. Пузырьков нет и прозрачное.

Она всегда (напоказ?) пьет крепкое.

Хотя что он может знать про ее «всегда»?

Четыре ночи в соседних номерах. Несколько свободных дней в расписании – как раз для удобной поездки в удобное место с удобной девушкой. Не слишком юная, чтобы досаждать привязанностями. Еще замужем. Даже лучше.

Высокая брюнетка в красивых купальниках, с выдающимися скулами. Отчего-то скулы для него имеют значение. А для нее, как для всех русских, имело значение нравится. Неясные цели, прямолинейность, которую она решила считать своим главным достоинством, страсть обнажаться, и не только физически. Все, что она могла делать тогда, – спорить

и отдаваться. Но так, что в тебе просыпалось вдруг что-то вульгарно Рогожинское с бросанием пачек денег в огонь, отпусканьем бороды и выкриками «моя королева». Неуместное для человека, вспоминающего в себе славянофила через интервью Дудя, альтер эго.

Он знал, что она теперь в Лондоне.

У него до сих пор остались ее видео и фотографии, которые следует беречь в особом архиве.

Кажется, должны были встретиться. Она хотела. Но он так и не решился. Или забыл решиться. Зачем?

– В Филлипс завтра презентуют этого нового чувака из Эл Эй (помнишь, я говорил?) Нам стоит пойти.

Кейт кивает. Но не помнит.

– Да, хорошо.

Вечер оказался немного не таким, каким был запланирован.

– Мистер Варшарин! Вам просили передать, – портье одной рукой в перчатке ловко управляет с увесистой дверью-столеткой известного закрытого клуба на Довер стрит, второй протягивает Вадиму папку формата А4.

– Спасибо. – беглый взгляд под обложку:

«Даша Левкович»

«Незнакомцы»

В ту же секунду Айфон брякает незнакомым оповещением.

«Пользователь D приглашает вас в «Play with me»!»

На мгновение на экране высвечивается глянцевый продолговатый предмет на шелковом шнурке и удаляющаяся точка-маячок.

«Вибро-игрушки с дистанционным управлением»

«Прямо с Вашего смартфона!»

Предисловие

Это был самый важный год в моей жизни.

Мой, для меня, для моего роста, понимания себя, как я хочу жить и, ещё поважнее, как не хочу.

Он начался с первой трети решением уйти от мужа, который так и не захотел иметь со мной новых детей. И очень важным принятием в себе: нет, я совершенно не хочу и не обязана его прощать даже сильно позднее.

То, что принято чувствовать кризисом и трагедией, таким и было. Мне стало совершенно непонятно, чем заниматься, и я начала наполнять себя новыми местами и людьми. Франция, Испания, Ближний Восток, Исландия, Черногория, Англия, Бразилия – все происходило спонтанно, рандомно (вот уж обожаю это слово), по дороге в аэропорт, повторялось, удваивалось, растягивалось, отменялось. Каждый раз новые двери и подоконники, каждый раз настраиваешь высоту шага на новые ступеньки. Я поняла, что по правде обожаю это, а не просто бегу.

Сколько раз я взлетала над поверхностью, говоря о такой жизни с бывшим. Стрелять по глобусу перелетами, менять кровати и бары за углом, ходить в тельняшках за рыбой. Ему нравилось первые одиннадцать секунд, а потом он вздыхал «я не могу, как же дети» – и я каждый раз недоумевала, почему я так с хрустом падаю из своей мечты из-за не своих

детей, которых я даже не знаю; и не знаю потому, что его уже беременная от другого бывшая жена против, чтобы они знали меня. Все это было каким-то болезненным для меня абсурдом, из которого я долго не могла решиться выйти.

Теперь я постоянно путешествую и уже почти пришла к этому воздушному ощущению дома везде.

Мне встречалось множество людей. У меня был миллион свиданий. Главная прелесть которых была в возможности в любой момент встать и уйти. Я, честно сказать, даже не пыталась кого-то выбрать. Один раз я почти влюбилась, но потом вспомнила, что главное – это я.

А ещё я всегда любила своё ателье. Потому что в целом я очень земная женщина, которая дышит красивым, туфельками, букле, бархатом, вышивкой и кожаными платьями. Ателье всегда любило меня в ответ. Поэтому даже когда стало ясно, что ателье мне мало и я реализуюсь процентов на двадцать, что в этом все же маловато искусства и почти нет хоть какой социальной нагрузки и миссии, – ателье продолжало меня кормить и путешествовать, ждать моих возвращений, как муж-гипертоник терпело мои измены и временные несправедливые обесценивания.

Тогда я начала создавать тренинги, писать рекламу, как сумасшедшая глотать живопись с оперой, запоминать имена аукционных домов, и, наконец, начала писать книгу.

И я рада не сомневаться, хороша ли будет эта книга, потому что в целом это не имеет никакого значения.

И вот совсем недавно все случайные обстоятельства и люди из сквозняка и хаоса вдруг стали складываться в нарядный макет кое-чего абсолютно нового, которое не разувается в прихожей, потому что здесь не принято разуваться.

Пока всё.

Andrej: «Все одинаково сложно, как и просто. В моей жизни осталось мало не заполированных царапин, но все они от людей, которые, казалось, и не способны на что-то остро ранящее. Есть теория про логиков и аналитиков. Логики – жадны до информации, людей, событий, они перерабатывают жизнь, как мельницы и испаряют в виде тепла излучение, манящее аналитиков...»

Как же он старается. Сообщение в ватсап с «далее», где нужно развернуть. Ну, конечно.

«Последние – более стабильны, имеют всю жизнь одних друзей, приверженцы правил, устоев, привычек. Например, супружеская измена для логиков – необходимое условие долголетия отношений, но аналитикам про это знать не нужно совершенно. Логики и аналитики – идеальные пары для жизни, но логики всю жизнь падки на... логиков. Брак двух аналитиков – это брак по дружбе, двух логиков – по выгоде.

Соответственно, те, кто может нас вынести в долгую – совершенно не те, за кем мы полетим на край света. Логики для нас – это американские горки. Очень много адреналина, но совершенно неприменимо на ежедневной основе.

У меня были такие люди, логики, которых я любил и, если честно, возможно люблю до сих пор за неповторимые моменты нашей совместной жизни. Но это любовь к моменту времени, путешествию, яркой выходке, действиям или бездействиям, это любовь к фотокарточке.

Логику не нужно рядом иметь другого логика, если он решит завести детей. Потому что ему для воспитания нужна девушка-аналитик, ведь он все равно продолжит поиск острых ощущений. Аналитик спокойно закрывает глаза на то, что ни за что не пропустишь ТЫ!

Поэтому романы с такими мужчинами всегда обречены быть только романами. И ты действительно должна понять, хотела ли бы снова вернуться в этот фривольный сериал на пару эпизодов, но лишь на пару, или все же найдёшь больший покой в голливудской ленте с хорошим понятным концом».

Логики-аналитики. Не очень мне этот гребень, простовато. Психотерапевт делит на четыре типа, и то сомнительно. Однако спешу с пляжа, чтобы успеть стать блестящей к свиданию с новым Тиндер-парнем, пишу сообщение другому, прирученному: «Не сегодня».

Андрей, блистающий в медиа пластический хирург с каждым годом с почему-то все более и более выраженными скулами, знает меня лет десять. Больше. В первый раз мы встретились в дурацком уличном кафе в Столешниковом. Его студенческая девчонка сказала «здесь слишком тяжёлые вил-

ки», и это была последняя женщина, чье присутствие он воспринимал всерьез. Теперь он рассуждает об искусстве, детях, а неприспособленных к постоянству людей оправдывает логиками. Что ж, спасибо, мне пригодится эта мысль.

Меня зовут Даша-пока-Романов, и я очень досажую, что взяла фамилию второго мужа. Я Левкович. Но в момент торжества женской силы над мужским нежеланием создавать семью страх развестись снова решил поставить бестолковый препон. Ведь мне будет лень снова менять документы. Оказалось, нет. Не будет.

Мне тридцать два. С момента последнего отчаянного пьяного прыжка в ледяную воду с чужим мужчиной прошло четыре года. И вот вода согрелась и помутнела, я развелась ментально и почти готова юридически. Я на террасе продлеваемых каждые две недели фиолетовых апартаментов на Тенерифе вместе с подаренным исландцем огромным розовым матрасом фламинго. Голова с внушительной шеей фламинго закрывает от лунного света, а днём изрядно выгорает на солнце.

Несколько месяцев назад я распрощалась с важным для меня несколько лет.

Несколько месяцев путешествий, встреч, книг, фильмов, препаратов – чтобы, наконец, дать голос самому важному человеку. Мне.

Самое поразительное было узнать, что я не люблю ездить

на мотоциклах (мой бывший муж – такой байкер после работы, и даже наша свадьба прошла в седле его оранжевого Харли Дэвидсон). Как героине Джулии Робертс в «Сбежавшей невесте» надо было разобраться, в каком виде яйца предпочитает именно она, а не её мужики, – так и мне пришлось как с луковицы слой за слоем счищать с себя все эти не мои мечты.

Я бойко плыла все это время. Появлялись люди, которые давали мне передышку. Люди, о которых я больно спотыкалась уже побитым и плохо забинтованным мизинцем. Люди, которые сплывались как на весело гребущего, но с болячкой, человека, по-акульи чувствуя свой шанс пожитьяся.

Были встречи, которые помогали расти. Были те, что обычно доводят до отчаяния больного, уверенного, что стал совсем здоров, но получил не добитый антибиотиками рецидив.

Первое, что я сделала, перестав сомневаться верно ли изгнала свой второй брак, – вкусную длинноногую страницу в Тиндер. Спустя еще пару недель мне пришлось сделать ее генетически своей – дерзкой – то есть добавить короткий текст, чтобы отсечь уж совсем идиотов.

Это было три месяца назад.

Надо сказать, что история с сайтами знакомств разных мастей у меня долгая. Я помню Дамочку, Мамбу, Бадю, я помню даже сервис 684 от Билайн, – и могу экспертно прописать

любому подходящее по его эпикризу.

Предусмотрительно уточню: я нравилась мальчикам с детского сада и не отличаюсь паталогической скромностью или бросающейся в глаза социопатией. И тем не менее основной пул удачливых или обреченных поклонников, пятьдесят процентов мужей, несколько друзей, перешедших из той или иной касты поклонников, пожилых и не очень олигархов, маститых чиновников, золотых мальчиков и любопытных для анекдота драм, – всё это оказалось в моей жизни посредством интернет.

Это для тех, кто застрял с кондовым «Тиндер – для неудачников, лохов и моральных разложенцев».

Тиндер – один из эффективнейших каналов знакомства любого толка. Говорят, задуман для свиданий на одну ночь. Возможно. Но кто даст гарантию, что этот парень, пропустивший вас вперед в очереди на регистрацию, завтра пришлет «доброе утро»?

Dasha, 28

Журфак МГУ

Istituto Marangoni Milano

h 183

Я люблю хороший театр, гевюрцтраминер, харли дэвидсон, стейки прожарки blue rare, саундтрек сааé de flore и, соответственно, отель costes как бренд и не только.

Я разбираюсь и люблю моду и Достоевского.

Мне важна речь, и мелочей в этом не существует.

Я не люблю переписываться.

Я чуть более тщеславна и прямолинейна, чем Ваша соседка, которую Вы щедро называете симпатичной.

Мужчина с гортензиями всегда в приоритете.

Да, возраст минус четыре. У большинства мужчин возрастной фильтр в Тиндере настроен на до тридцати. Если не соврать, они вас даже не увидят. При встрече с удовольствием говорю правду.

Кого я только не встречала здесь.

Поисковая строка Гугл заполнялась самыми разными фамилиями, расширяя кругозор в тех сферах, которые никогда прежде не попадали в поле моего внимания. Нападающие сборной, баскетболисты, придворный художник, десятки удачливых столичных и ставших столичными бизнесменов. Не очень удачливых и того больше.

В какой-то момент мне даже стали нравиться некоторые.

В остальных же случаях я никогда не испытывала разочарования.

Во-первых, я никогда не переписывалась долго, а соответственно, не инвестировала в каждый контакт слишком много своего времени и сил. Пара-тройка сообщений, и приглашение на ужин.

Во-вторых, идя на свидание я ждала от него... ничего. Главным условием было место – отличный ресторан, где мне

точно будет вкусно и приятно. Куда я с удовольствием наде- ну красивое платье и получу свою дозу вербальных и невер- бальных комплиментов.

Ну и, в-третьих. Если мужчина после двух-трех сообще- ний приглашает тебя поужинать в место, куда ты точно захо- чешь пойти, эти три сообщения лаконичны, но интересны, сдержанны, но внимательны, а также полны грамотности и уместных запятых, – тебе точно не будет скучно провести с ним два часа своей жизни. Просто больше слушай. И попро- буй каждую встречу сделать полезной для себя. Узнай что- то новое.

Да, и еще. На свидание можно ехать только когда за тобой присылают машину. Это правило. Правило Убера. Во-пер- вых, тебе должно быть исключительно удобно. Во-вторых, по машине, что за тобой присылают, можно узнать о канди- дате больше, чем из недельной переписки о бабушках и лю- бимых животных.

Правило Убера я нарушала два-три раза. В основном, ко- гда свидание было после моих рабочих встреч и я приезжа- ла за рулем. Именно поэтому прежде, чем увидеть Женину жадность, я увидела его красивые аккуратные руки.

Рвань первая, малая

Москва

Evgeny, возраст скрыт

Rotman School of Management, University of Toronto

РЭА им. Г. В. Плеханова

Пять фотографий с некрасивой притягательной харизматичностью. На вид сорок – сорок пять, много спортивного велосипеда и не огромных, но каменных мышц рук. Триатлонист, наверно. Значит, свой бизнес, значит, успешный.

Evgeny: «Привет, Даша, рад знакомству! Искренне рад!»)

Dasha: «Привет, Евгений, взаимно»)

Evgeny: «Исходя из того, что написано в Вашем представлении, мне не стоит затягивать с перепиской, пригласить Вас, Даша, на ужин или обед с бутылочкой Гевюрцтрамине-ра и приехать на него с охапкой (*внимание на это слово, дорогой читатель) Гортензий/лучше одной в петлице? ;)»

Evgeny: «Я правильно все понял, можно приступать к исполнению?))»)

Evgeny: «Как то по-шутовски получилось, но я все же от-правлю...»

Dasha: «Ну, если решили съесть мое сердце за бокалом вина, то, видимо, да)))»

Dasha: «Получилось отлично, Евгений, мне даже как-то

неловко стало)))»

Evgeny: «Неловко? За что? ;) все очень ловко)»

Evgeny: «Осталось только определить день... может во вторник? После работы?»

Вторник будет шестнадцатым маем. Такая точность оттого, что это годовщина знакомства с бывшим мужем. С момента ухода от него прошло пару месяцев. Значит, бабьего мистицизма бессмысленно даже пытаться избежать. На это свидание, вообще-то обычное, я иду с ожиданием чего-то особенного. Ведь мой хэппи-энд вот-вот настигнет меня даже до подписания заявления о разводе. Даже собираюсь доехать до бывшей квартиры, драматично выкурить в машине у подъезда сигарету и рассчитывать на случайную, но, конечно же, судьбоносную встречу.

Место – 15 Kitchen + Bar в Пожарском на Остоженке. Одно из пост-кризисных московских заведений с открытой кухней, лаконичным меню листом А3, зато на хипстерской толсто-дорогой бумаге и картонном заднике, осьминогами с киноа и коктейлями для самых ироничных. Столов мало и маленькие, близко друг к другу, стулья (не кресла), у барной стойки всегда экспаты и девчонки, еще не красившие распущенные волосы. В кризис стало модно есть витиевато, но не очень дорого, стоять или сидеть неудобно, быть open-minded (без предубеждений), до тошноты творческим и энергичным. В общем, стало модно быть европейцем. Мне здесь нравится. Плюс мы оба (я и место) –небрежные, я се-

годня, оно всегда.

Я приехала вовремя, и узнала в выходящем из только что припарковавшейся безликой пятерки БМВ невысоком и на вид стремительном, Евгения, который вот-вот начнет меня ждать. Фотографии достоверные. Но на них он как-то внушительней. Ниже меня, компактный. Но не критично.

Звонит.

– Даша, привет! Это ты в Е купе? Я, кажется, тебя видел...

Педант какой, все замечает. Накрашу ресницы.

– Женя, привет! Да, я. Сейчас иду, мне нужно сделать звонок буквально на одну минуту, и бегу!

Через пять минут мы сидим напротив друг друга на аскетичных деревянных стульях за аскетичным деревянным столом и деликатно друг друга разглядываем.

У него русые густые чуть вьющиеся волосы, угловатое скуластое лицо, тонкие губы, какая-то притягательная асимметрия. Неправильное лицо, чем ужасно харизматичное. Помните, фильм про Анжелику с рыжей француженкой? Вот там ее любимый со шрамом на все лицо. Женя мне его напоминает. Только без шрама. И пропорционально меньше в полтора раза. На нем мягкий трикотажный пиджак без подкладки и трикотажная же с сатиновым блеском сорочка. Трикотажные сорочки – большая редкость для русских мужчин и большой класс. Манжеты идеально на месте, цвета неоднозначные, что бывает только у дорогих итальянских брендов. Но без принта, разумеется. Проходя к своему сту-

ду, я почти случайно касаюсь его плеча. Оно рельефное и каменное. Кисти рук при этом сложены друг на друга. Идеальные, спокойные и уверенные руки. Небольшие, с длинными пальцами и отполированными высокомерными ногтевыми пластинами. Он мне нравится.

Его речь спокойная, выверенная, безэмоциональная, отточенная и трикотажно-блестящая, как его сорочка. Я бы сказала, что его речь слишком медленная для меня, так он аккуратен. Почему-то мне стали нравиться такие интроверты.

Мы говорим больше трех часов. Ему интересно. В какой-то момент он заказывает один коктейль, потом второй – очень хочет вылезти из своего убежища. Я помогаю. Таких нужно доставать из раковины, дразнить, провоцировать. Но аккуратно. Чтобы им было и некомфортно, и безопасно. В конечном итоге им хочется разоблачиться.

Женя не просто триатлонист. Он был триатлонистом. Но потом ему это стало скучно и недостаточно. Теперь он ездит на горном велосипеде по самым опасным трассам, ломает и срывает кости, прыгает, кажется, с парашютом, бежит каждый день – последнее уже как почистить зубы.

– Какими еще способами ты пытаешься себя убивать? – большую часть времени говорит он, с меня одна фраза, но выберу поострей. Я улыбаюсь, конечно, флиртую, но хочу быть пронзительной. Именно так он и чувствует.

Сдержанный смешок.

– Ха-ха, Даша, ты слушаешь-слушаешь, а потом бьешь? –

Ему некомфортно. Ему это нравится.

– Ну, мне показалось, что ты привык сдерживать свои эмоции. Так привык, что даже когда тебе хочется их достать, у тебя это редко выходит. Поэтому тебе нужен экстрим, чем дальше, тем крепче. Все время приходится повышать дозу.

За три часа я знала, что он разведен и его дети учатся в Англии. Что он живет в одном жилом комплексе с мамой, и что, возвращаясь из командировок, он находит в холодильнике творог и круассаны из Волконского (*сеть пекарен), которые она приносит накануне. Круассаны и творог, которые он не ест. Мама об этом знает, но каждый раз приносит. А он каждый раз немного раздражается. Еще я знала, что он математик, учился играть на фортепиано, потом учился чему-то в Канаде. И тем не менее за три часа я совершенно не знала, чем вообще-то он занимается. Типично для русских более ли менее успешных мужчин обходить эту тему. Им кажется, что все исключительно охотятся за их благополучием и, наверно, у них есть основания так думать. Москва. Поэтому я, как правило, не спрашиваю, или как-то косвенно касаюсь бизнеса в конце встречи, при этом подробно рассказывая о своей работе в самом начале. Однако Женя здесь бьет все рекорды. Он оплетает мои вопросы ссылками на начало карьеры и пост-институтские годы. Это немного раздражает. Ну да ладно.

Евгений Малыкин, сорок восемь лет. Серийно-сетевой бизнесмен от производства и экспорта чего-то глобального,

детских игровых центров до супермаркет-экспансии в Сибири (слово «охапка» не самое часто используемое в российском Тиндере, но, когда твоя ритейл-сеть называлась именно так, сложно выкинуть эту староверщину из лексикона). Бывший топ-менеджер «Интерроса» и «Альфа-групп».

«Малыкин – хваткий, быстрый и в чем-то бескомпромиссный менеджер».

Хваткий и быстрый. Да уж.

Через два дня я улетаю в Париж, и Женя шлет мне туда смски с многоточиями. Я прямо слышу, как медленно он произносит эти смски, как растягивает окончания. Как я пытаюсь и не могу добиться от него прямооты и резкости. Но, может, и хорошо.

Он первый, кто мне понравился за несколько месяцев, и я немного летаю. Смотрю его старое интервью на каком-то бизнес-канале, чувствую себя всесильной. Чувствую себя как Супер-Марио из компьютерной игры. Супер-Марио, который съел тот волшебный гриб, вырос и сияет. Я даже немного жду, что он неожиданно нагрянет ко мне в Париж. Хоть и понимаю, что это совсем не будет на него похоже.

Мы договариваемся о встрече неделей позже. Теперь-то я буду в платье, на каблуках, все равно немного небрежной, но уже немного влюбленной. Он по мне. Он сильный. Он монументально-объемный.

Е: «Даша, привет... Nofar 20.30?»

«Нофар» – новый новиковский ресторан на гастроно-

мически модном сейчас Бадаевском заводе, полгода назад вдруг ставшем центром набережной Тараса Шевченко. S-классам надоело толпиться в три ряда у «Эрвина» (*популярный ресторан у отеля Radisson – «Ervin река-море-океан»), и их лучшая часть перебралась на бесплатные парковки новых заведений Аркадия Новикова под лозунгом импортозамещение.

D: «Женя, привет! Да)»

D: «Можно тебя попросить прислать мне Убер? Сегодня я из дома)»

E: «Ммм, да... Пришли адрес»

Я в пудровом облегающем платье с молнией сверху донизу, пудровых классических Louboutin, серой не застегивающейся мото-куртке Balenciaga. Я даже сверялась, что надеть, с Любой, конструктором моего ателье. А я никогда не сверяюсь, что надеть.

За полчаса до встречи от Жени приходит снимок экрана телефона с данными из Яндекс Такси.

«Kia Ceed, желтый, НК46077, Александр, рейтинг 4,97».

Первое, что мне хочется сделать, – переодеться.

D: «Кать, ну это никуда не годится... Я так разочарована. Понимаю, это вроде пустяк. Но как можно прислать девушке такую машину? Тем более он, мягко говоря, не студент, живущий на стипендию».

Без сомнений Александр из Kia Ceed чувствует затылком

мое сварливое снобье недовольство, даже несмотря на то, что с Катей я переписываюсь, и слышит он лишь позвякивание воцапа.

Катя Андреева – моя недавняя земная и оптимистичная подруга. Несколько лет она увлекается всяческими тренингами и психологией. Настолько, что даже связала с этим свой бизнес. У нее небольшая, но амбициозная компания, которая учит людей продавать одежду.

К: «Даш, ну может он не придал этому значение, торопился, занят был. Пробки сегодня сумасшедшие, может Убер Блэк надо было долго ждать. Не заморачивайся!»

Д: «Вот именно! Пробки! И мне сорок минут ехать в этой машине. На мне светлое платье. Я даже не уверена, с чистым ли задом приеду после столь долгого контакта с этим сидением».

Д.: «Ты права, конечно, стараюсь отвлечься и не думать, не портить себе настроение. Но по факту... Помнишь, как я была им очарована? Ну вот и все, какого пустяка, казалось бы, бывает достаточно...»

Скажете, фифа какая, машина не та. Первое время самой было неловко так думать. Но позвольте я объясню. Это эмоция, это комфорт, это, в конце концов, безопасность. Если мужчина не задумывается, как вы доедете до него сейчас, когда вы чужие и он, по закону жанра, пытается произвести лучшее впечатление, – дальше он отправит вас на рейсовом автобусе. Вдвойне печально, когда мужчина при этом богат.

Это значит, что он жаден и ему за это не стыдно. Экономия для него важнее произведенного впечатления и, если хотите, репутации. Тут остается один вопрос. Экономит он только на вас или в принципе. Но, вспоминая трикотажные сатиновые сорочки, становится очевидно, что экономит он не на всем.

Так, ну сегодня я пью. Свиданию быть, и надо получать удовольствие, а, значит, нужно как-то забывать впечатления от Убер-разоблачения.

«Нофар» – марокканский. Здесь есть диваны, разноцветные плитки и хумус. Женя ждет меня за круглым столом (опять стулья), и прежде, чем появляются бокалы, я успеваю заметить, что у него маленький размер обуви, ботинки на необычно толстой подошве (рост все же имеет значение) и что он невероятно медленно, тихо и даже как-то скрипуче говорит. Его руки больше не смотрят магически. Второй бокал Совиньон-блан чуть помогает забыть, что Женя уже не мой Джек Пот, и мы даже едем дальше в Мандарин на Лубянку – круглосуточная барная классика с диванами и бесконечной стойкой в лучших традициях «Луча» (*популярный бар на Большой Пироговской улице, один из старейших в Москве).

Сегодня я уже не стараюсь быть аккуратной и нравиться, без конца экспериментирую с его границами хронического интроверта. Но флиртую и флиртом по чуть-чуть достаю из него хоть что-то личное. Иначе скучно безбожно.

– Я в том возрасте, когда невозможно не думать о послед-

ствиях. Вот я смотрю на твои красивые голые ноги, Даша, и, возможно, я хочу взять тебя за коленку, – мы сидим в соседних креслах и пьем Закапу ХО (*гватемальский ром с претензией на не ром), мои ноги подняты в кресле, босы, и коленки, действительно, смотрят на него, – Но что дальше?

– Я не знаю, Женя. Я даже не знаю, что на это сказать. – Я, действительно, впервые встречаю мужчину, которому так тяжело даются тактильные решения.

За полчаса до этого Женя рассказывает про свою бывшую девушку, с которой он провел пару лет после развода, но изначально знал, что это не брак, не дети и не семья.

– Не сразу, но скоро я увидел в ней качества, которых не может быть у матери по крайней мере моих детей.

– Как ты это понял?

– Ну, в первую очередь это было понятно по ее отношению к моим детям.

– А зачем тогда остался с ней?

– Ну не все отношения ведут к семье. Это не значит, что их не должно быть.

Слушаю и не могу не сравнивать. Я ушла от мужа, потому что он не хотел со мной «новых» детей. У него две маленькие дочери от прошлого брака, ему было не надо. Мы были вместе почти четыре года, почти год из них в браке.

– Поехали? Я устала.

– Да, конечно. У меня телефон только сел, закажешь такси? Я довезу тебя и потом поеду к себе.

– Хорошо. – не могу скрыть улыбку.

«Мерседес, черный, А713ХН190, Борис, рейтинг 4,89».

Найти настоящие имя и фамилию кандидата очень легко. В большинстве случаев достаточно знать мобильный телефон, и ввести его в строку поиска на Фейсбук. Даже самые засекреченные и поколенчески далекие от миллениалов не обходятся без мини-досье с голубым интерфейсом. И тот же статус не позволяет им использовать в сети игривый псевдоним. Не серьезно. Дальше имя и фамилию отправляем в Гугл, и вуаля. Где работал, на ком женился, кого избил.

Некоторые, правда, заводят телефон специально для подобных знакомств. Величают «блядофоном». И тогда, конечно, не привязывают его к социальным сетям.

Однажды мне писал Александр, 27, и писал только в Тиндере. Александр, 27 был с тремя фотографиями: одна со щенком у аквариума, вторая черно-белая в профиль и в капюшоне толстовки с Марлоном Брандо (неистово подделываемый бестселлер Dolce&Gabbana). Третья – фронтальная, наконец, – обрезанный портрет веселого парня в спортивной красной футболке с лампасами, – слишком уж позитивная, чтобы не быть профессиональной и, возможно, даже презентационной. Кто не знает, в Гугл есть поиск по фото, и этого веселого парня признал какой-то футбольный сайт игроком нашей футбольной сборной, а также нарек его Арсением Ломашовым. Электронная почта senya.ru, которую Александр

прислал для бронирования моего билета, также выдавала в нем Арсения с потрохами. Но неспортивно, конечно, козырять тем, что перехитрил футболиста. Невелико достижение.

Третий вариант – запоминать названия созданных проектов, где принимал участие, отметился продюсером, участвует в теннисных турнирах. Мужчинам нравится рассказывать о своих увлечениях. Такие разговоры их не настораживают, а, напротив, помогают раскрыться. Если перед вами успешный парень, то в своих увлечениях он тоже успешен. Поэтому на интернет-странице его теннисного или гольф клуба его имя с фамилией точно будут мелькать в новостных заметках.

Ну и четвертый. Самый скучный и самый смелый. Просто спросить.

Обычно я не выясняю, к кому иду, до встречи. Свидание с инкогнито интересней, метаморфозы после – забавней.

Виктор, 42

Одно фото – рослый мужчина в уместных шортах и футболке взбирается на пальму. Лица не видно.

Пара сообщений и переход в воцап. Виктор сообщает, что он Слава, пишет напористо, но вежливо, напористость кричит тремя восклицательными знаками после каждой фразы. Даже вопросительной.

Анкету приходится воссоздавать по памяти, благо она была пустая почти, – получив номер, кандидат тут же удаляет меня из списка контактов в Тиндере.

Вячеслав: «Добрый вечер!! Как настроение?!!»

Боже мой, не ори на меня! Слава пишет в 23.20, Слава кричит, поэтому я отвечаю только утром.

D.: «Доброе утро! Настроение отличное, спасибо.»

Вячеслав: «Думал, не ответите!! Поужинаем вечером?!!»

Хм. Крикун конкретный, это хорошо и удивительно, особенно после вопроса «Как настроение?»

D.: «Сегодня я занята, к сожалению, но могу завтра после семи. Где?»

Вячеслав: «В Ванили в 7?!!»

Да крикун – новиковец-старовер. Ресторан «Ваниль» – одно из самых старых и самых по-московски респектабельных заведений ресторатора Аркадия Новикова. Такое, для холельных, лоснящихся, медлительных котов, которым и осталось слово «респектабельный». Напротив Храма Христа Спасителя. Еще напротив Пушкинского музея, но его в окна почти не видно, поэтому посетителям более известна первая достопримечательность. Традиционное место сбора «старых» московских денег (если применительно к России вообще можно использовать понятие «старые деньги») и больше не тревожащихся за завтрашний день чиновников. Это место так давно в приложении Афиша (*онлайн путеводитель по заведениям Москвы), что даже провинциальные длинноножки в дешевых колготках отчаялись и перестали потягивать там капучино. Теперь в «Ванили» приятно, спокойно, но по-прежнему нарядно и вкусно.

Место мне нравится. Слава, скорей всего, нет. Завтра среда. Приеду сама за рулем, не буду не пить, не просить Убер, – во-первых, к чему тестировать парня, который не пригодится, во-вторых, больше криков в воцап просто не выдержу.

Странно, но совершенно не помню, какое платье надела на эту встречу. Точно короткое, точно голые ноги (уже тепло), точно балетки Шанель. Слава не звонит, только пишет. Многих это настораживает, мне, наоборот, нравится. Ненавижу звонки. Мне кажется, в наше время совершать голосовой вызов – сродни прийти в гости без приглашения. Ну вот просто приехать к человеку домой и позвонить в дверь. Совершать голосовой вызов. Какое-то правонарушение или заголовки для статьи. Ну, может, не уголовного, но уж точно гражданского кодекса.

Дальний стол у окна. В «Ванили» это как сидеть в витрине. Гладко выбритый брюнет в дорогом классическом костюме и белой сорочке. Ему, конечно, не сорок два, как указано в Тиндере, думаю, около пятидесяти. На столе ваза с белыми гортензиями.

– Даша, добрый вечер. – На сколько он кричит в текстах, на столько тихо произносит в воздух.

Почему он представился как Слава? Слава – это бывший водитель. У Славы бас и хохот. У Славы теперь джемпер Zilli (*итальянский бренд мужской одежды, производящий одни из самых дорогих трикотажных изделий из шерсти и кашемира), однако Слава по-прежнему кладет что-то между си-

дением автомобиля и своим задом.

– Вячеслав, добрый вечер. Извините, я немного опоздала. Это мне?

– А, да, конечно! Я прочитал в вашей анкете, что у мужчины с гортензиями приоритет. Я всегда хочу приоритет. Поэтому вот. – Он улыбается и уместно шутит. Легко. Я смеюсь в ответ. Приятный сюрприз.

– Спасибо! Как приятно! Спасибо большое...

– Будете вино? Вы же белое любите?

– Я бы с удовольствием, но за рулем. Давайте на ты?

Мы говорим о Совиньон-блан, и его, и недавно моем любимом, Он рассказывает интересно и без помпы: новозеландское лучше всего, то ли потому, что в Европе этот сорт винограда как-то не так растет, то ли был побит в какой-то год. Потом ряд обычных тем, кто чем занимается. Слава уникально не скрывает ничего значительного, в первые тридцать минут произносит ОНЭКСИМ, «Интерроса» и Михаил Прогоров. Он его зам или зам председателя правления из чего-то его. Как обычная земная женщина, не могу не испытать легкое покалывание пузырьков «Бинго!» в области поджелудочной. Отличный костюм и гортензии, выглядит почти как русский мистер Биг (*так героиня сериала «Секс в большом городе» называет своего возлюбленного, который высок, хорош собой, всегда в черном костюме и черном S-классе), не вынужден выбирать между деньгами и властью. Излишне традиционалист, но это даже хорошо. Хватит с меня

сорви голов.

– Ты женат? – такие вопросы задают прямо.

– Нет. Я разведен. Давно... Если честно, даже эту анкету на сайте мне жены друзей сделали. Говорят, ну сколько можно быть одному. Хотят меня пристроить. Только как-то это не для меня. Вдруг подчиненные или партнеры увидят. Думаю, я удалюсь, нужно только разобраться, как это сделать.

– А что там делать, разве в этом есть сложность? – ни разу не задумывалась об удалении из Тиндер.

– Говорят, что удалиться практически невозможно. Твои данные все равно хранятся в их системе. И ведь сисадмина своего не попросишь! Хотя, скажу честно, я удивлен... Приятно удивлен. Первая встреча и такая... Ты очень красивая на фотографиях, Даша, и я сомневался, придет ли девушка с фотографий. Но, удивительно, в жизни ты даже лучше.

– Спасибо, Слава.

– Моя бывшая жена, кстати, тоже журналистка. Вы даже чем-то похожи...

Следующие полчаса Слава делает мне уместные комплименты. Дело доходит до того, что я подумываю сильнее ему понравиться. А потому начинаю с интересом задавать вопросы и бездонно слушать. Увлечения, спорт, рыбалка? Следующий час он вдохновенно рассказывает мне про север (он из Красноярска), показывает море видео с Камчатки и, кажется, что-то из Астрахани. Я рассматриваю его пальцы, то и дело нажимающие на «плэй» в телефоне, в них-то отчет-

ливо вижу Славу, не Вячеслава. Большие такие, мужицкие. Ну и хорошо.

– Даша, спасибо за вечер! Я не ожидал, что будет так приятно... Завтра у меня допоздна встречи и совещание. Поужинаем в пятницу?

– Слава, тебе спасибо. Мне тоже понравилось. Давай!

Обожаю идти с цветами. Припарковалась далеко, медленно перехожу дорогу от Остоженки до Пречистенки, иду вдоль ограждения с небольшой затеянной в центре стройкой. Уже темно, строители еще там. Прислушиваюсь. Где-то котенок. Останавливаюсь и вглядываюсь в темноту за забором.

– Ребята! У вас там котенок, не раздавите!

– Где?

– За забором у вас! Вы копаете, а он упал наверно и не может выбраться! Слышите? Плачет.

– Сейчас посмотрим!

Несколько секунд гоню от себя прилипшую к мозгу фразу «Достаньте и отдайте мне! Я его домой заберу!»

– Нет никого! Убежал наверно!

И правда мяуканье пропало. Может, показалось. Слава богу, котенка мне только не хватало.

– Ладно... Спасибо! До свидания!

Как же хорошо. Ноль планов на завтра.

Вячеслав Шабалкин, сорок семь лет, серийный банкир, и правда Красноярск, и правда соратник Прогорова, и правда

разведен. Единственное, что он оставил мне разузнать – фото бывшей жены. Брюнетка. Журналистка. И правда чем-то в целом похожи.

Вячеслав: «Даша, добрый день!! Предлагаю поужинать в Водном?!! А перед этим можно покататься там на яхте!!»

Нет, решительно не могу связать эти восклицательные знаки с тем человеком.

D.: «Слава, добрый день) Да, отличная идея. Тогда мне нужна машина часов на шесть, мне далеко до Ленинградки»

Вячеслав: «Конечно!! Я закажу!!»

D.: «Спасибо) До завтра!»

Классный мужик. Сказал – сделал. Предложил ужин в пятницу – написал днем в четверг, спросил, подтвердил. Сам предлагает, чем заняться. Романтично. И, как «Ваниль», скучно, но респектабельно.

– Пупсик, какая яхта? Ты его не знаешь! Прогоровская яхта, небось! Ты вообще помнишь, кто такой Прогоров? – Даринка всю юность барахталась в околomodельной тусовке, с которой я не была знакома вовсе. Хоть мой рост и 183, а ее 170. Мы дружим с седьмого класса и называем друг друга «пупсик», когда строго, и «пупсичек» – когда участливо. Да, мне, почти филологу, порой почти за это стыдно.

– Пупсик, да ладно тебе. Ну не куршевельские же двухтысячные уже.

– Так они остались в этих двухтысячных! Это опасно вообще, ты понимаешь? Зачем яхта на второе свидание?

– Блин, а мне показалось так романтично, наоборот... Ты серьезно?

– Ну, в любом случае, зачем ты сразу подрываешься на любую его инициативу? Поужинать да, два часа и поехала. Интрига, помнишь? А то слишком уж все просто!

Мы с Даринкой ходили (да и все еще захаживаем) к одному психологу Михаилу. Для меня Миша начался три года назад, во время моего второго глобального ухода от Никиты (вот и имя бывшего на арене). Для Даринки годом позже, во время затяжного забывания Васи Малинина, ее нынешнего, но таки не самого удачного мужа. Миша учил нас и всех быть загадочными, недоступными и интригующими, легкими только характером и как минимум безусловно желанными, как максимум безусловно любимыми. Женщина-подарок. Но об этом позже. Мишины кейсы работали, и мы с Даринкой старались следовать его бытовым заповедям, типа «Ты не идешь на свидание в один день с приглашением на это свидание, потому что такая женщина, как ты, занята, если не букируется заранее».

– Лаадно... Напишу, отменю яхту... Скажу, что я до одиннадцати, не успеем... А можно яхту оставить, а ужин отменить?

– Балда!

Честно говоря, мы с Даринкой мыслим совсем по-разному. Она паникер и повсюду видит угрозу, я же, наоборот, не замечаю опасность даже там, где она есть. Для меня как-то не

по-пацански даже подумать, вдруг меня не выпустят, увезут, изнасилуют. А выдать такие опасения мужчине – как сверкнуть бабушкиными хлопчатобумажными панталонами. Учитывая все это, удивительно, что со мной ничего криминального до сих пор не случилось.

Я абсолютно уверена, что Слава со своей яхтой не замышлял ничего, лишённого ко мне уважения. И лишь аргумент подружки о ценности лимитированного времени заставил меня отказаться от утвержденного на вечер пятницы плана.

D.: «Слава, добрый день! К сожалению, яхту сегодня придется перенести, можем просто поужинать. У меня времени будет немного, в 11 нужно уехать»

Вячеслав: «Капитан уже пригнал ее в Москву!!»

Вячеслав: «Мне нужно будет поехать ему заплатить!!!»

Не верю своим ушам.

Вячеслав: «В другой раз поужинаем!!»

D.: «Хорошо»

Удаляю номер.

Не очень люблю Москву. В ней крепко и наваристо. Дождь, морок, шершавые от тополиного пуха губы, нецивилизованные пробки, некрасивые мужчины. Но чего у Москвы не отнять – она мегаполис ростом с Нью-Йорк, Париж или Токио. Потому что (или поэтому) московский Тиндер полон экспатов. Осевших на Патриках, ежемесячно заезжающих в «Ритц Карлтон» и пополняющих свои Старвудов-

ские аккаунты в «St Regis» напротив приправленной ими же брусчатки Третьяковского проезда. Они заказывают в кризисной Москве дефицитные в Европе и Штатах модели Ролекс, невкусно, но за вид почти на Красную площадь едят в Доктор Живаго и скупают. Они высокие и, как правило, молодые. Часто одеты в кашемир цвета туал (так называемый «грибной» цвет, Bottega Veneta лет пятнадцать назад аккуратно короновала его в респектабельность до сорока одного года) или дорогие хлопковые хаки. У них продуманные щетины и другие, как минимум не краснеющие, лица. Обычно они смелые и преуспели. Потому что иностранцы все еще морально решаются приезжать в Россию, им нужна достаточная для этого безрассудства мотивация. Вроде больших контрактов или перспективных месторождений.

Иногда мне нравится ходить с ними на свидания. А им со мной всегда нравится, первые три часа уж точно. В московском женском Тиндере можно потеряться среди пухлых губ да длинных ног, а вот толковый текст на английском – вполне себе конкурентное преимущество.

Andy, 33

Private equity

London, Cape town

«Private equity» – частный инвестиционный фонд – хвастливо, а может означать что угодно.

Служит в частном инвестиционном фонде? Владеет част-

ным инвестиционным фондом? Служит и владеет?

Русоволосый, с гордыми скулами и наглыми глазами сумевшего безнаказанно возлюбить самого себя. На фотографиях Энди в прозрачных, но солнечных очках и бежевом салоне какого-то британского нишевого купе; в одинаковых с отцом и братом лоснящихся черных цилиндрах (одна усмешка на троих – родство считать в два счета); в охотничьем пиджаке и кепке, традиционных, британских, зелено-коричневых, как у доктора Ватсона, блуждающего по болотам Баскервиллей. У него светлая, но густая щетина и какая-то красиво волевая челюсть. Вместе с этой семейной ухмылкой и печаткой на мизинце Энди смотрится неразбавленными голубыми кровями.

Уже в переписке он явно привычно для себя сообщает, что его семья владеет в ЮАР компанией, добывающей драгоценные камни. Гугл, узнав фамилию Энди, неожиданно это подтверждает и дополняет – одна из крупнейших, старейших и из всего многообразия драгоценных камней выбравшая бриллианты. В тексте Энди постоянно всему удивляется. Тому, что я была в Кейптауне, откуда он родом, и в Исландии, где он не был. Что у меня небольшой, но свой бизнес. Что я была более чем в сорока странах. Что я не поеду на коктейль на террасу в «Ритц Карлтон», где он остановился. Что в субботу на «дринк» с ним тоже не поеду, потому что сегодня пятница и я уже занята в субботу.

Andy: «Даша, я улетаю в Казахстан в воскресенье. Там мы

разрабатываем одну установку для наших месторождений. Сегодня я иду в Большой театр, завтра ужин с партнером и его женой. Приезжай на дринк после Большого. Или завтра на дринк после ужина»

Он не зовет ни на ужин, ни в Большой, и это раздражает. Парень, ты серьезно?

D: «О, Большой, отлично! Я очень люблю Большой и часто бываю. Что ты будешь смотреть?»

D: «Что касается встречи, предлагаю тебе выбрать время, удобное не только для тебя :)»

Andy: «Ха-ха, время удобное не только для тебя lol» (англ. laughing out of loud или lots of laughs – самым точным переводом будет «покатываться со смеху»)

Andy: «Я буду смотреть «Лебединое озеро»

Andy: «Даша, когда тебе удобно? X»

Какое до костей британское «X» в конце сообщения. Они пихают это «X» после каждой фразы. Это значит что-то вроде «чмок», поцелуй. «Как тебя зовут? Чмок», «Ты предпочитаешь кошек? А я люблю собак. Чмок».

D: «Лебединое озеро» фантастическое, ты счастливчик!))»

D: «Раз уж ты уезжаешь в воскресенье, а мы все же хотим встретиться, то единственная опция, которую я могу предложить – завтрак завтра»

Andy: «Хорошо, давай в 10.30 в Доктор Живаго?»

«Доктор Живаго» – две минуты от «Ритц Карлтона». Лентий? Наглец?

D: «В субботу завтрак для меня – в полдень – час»

D: «После я поеду за город к маме – у нее день рождения – поэтому у меня будет час – полтора. Давай в Beer&Brut на Покровке. Там завтраки допоздна и отличные яйца пашот с лососем»

Он раздражает и манит своей такой в лоб уверенностью, что это нормально – подстраивать меня под себя. Я после лета случайных путешествий, океана, короткой пронзительной встречи, у меня загорелые ноги, я была худая, а теперь худее худой, а еще высокая и у меня новые ботфорты с мужским каблуком. У меня больше дерзости, чем у тебя наглости, снобище! Или показалось...

И меня манит Лондон. Дразнит, раздражает. Вызывает на какое-то глупое неизбежное состязание. Лондон, инвестиционный фонд, тридцать...

Andy: «Ха-ха, ну хорошо. Где это место?»

D: «Покровка. Спроси, пожалуйста, у Гугл»

Andy: «Хорошо lol Хх»

Зачем встречаться с кем-то, кто пробудет в твоём городе еще один день? Кто живет другой жизнью, ходит в другие места, ездит по другим дорогам, смотрел другие мультики? Зачем тратить на это даже час своей жизни?

Я все еще верю в случайные бесперспективные встречи.

– Я уже было подумал, что ты пошутила и не приедешь.
У него молодое, но уже щетинистое лицо, насмешливый

взгляд, бежевая футболка с V-образным вырезом и джинсы.

Он высокий и по-мужски широкий. Возможно даже килограмм на пять больше поджарого атлета. Мне это нравится.

Он смеется. Но смеется не от неловкости, а просто. Непохоже, что ему бывает неловко. Так и вижу, как он останавливает какую-то дорогую, но неопрятную машину на обочине где-то между Йоханнесбургом и Дурбаном, и отходит на пять метров от тебя по малой нужде.

– Пробки даже в субботу, извини, немного не рассчитала, – тоже смеюсь, – что у тебя за перстень на мизинце?

Говорю рублено. Интуитивно хочу понравиться.

Полчаса ожидания за высоким столом в «Beer&Brut», а Энди не выпил и половины своего капучино. Еду не заказал. Ну даже если бы девушка не пришла, что не позавтракать-то?

– Это печатка клуба моего британского университета.

– Ты кажешься простым парнем, а перстнем этим вдруг заявляешь себя аристократом.

Сегодня получается тонко хамить даже на английском. Значит, он мне нравится, но в удачную меру.

– Ха-ха-ха! Я простой парень, мы, южноафриканцы, – все простые парни. Ты смешная. И милая (cute).

– Да ты король комплиментов! Милая, как пара не утопленных новорожденных котят?

– А ты маленькая стерва! Ну чем тебе комплимент не угодил? Как надо было сказать?

Оба смеемся и едим глазами.

– Вот! Стерва мне больше нравится, пусть и маленькая! Ну, милая – это как симпатичная. То есть вроде и красивой не назовешь, но и не страшная. – Особенно вкусно получается сказать такое, когда горд всем, что показываешь, – Надо было сказать красивая, конечно же!

– Ты не поняла. «Cute» в английском языке это не только «милый», как про котят, это еще и «сексуальный» – как про таких, как ты. А «красивая» – это как-то старчески.

– Принимается!

Мы говорим ни о чем обещанный мной час. Не очень увлекательно по содержанию, но каждую минуту из шестидесяти, я хочу встать и уехать с ним в его чертов Ритц. Или в его чертов Кейптаун. Несколько раз мое «Поехали!» застревает в мысли про его бриллиантовое наследие. Уж слишком перспективный, чтобы спать на первом свидании. А вдруг он мой новый будущий муж? Даже после двух разводов эта бабья штука неистребима. Прощаемся. Целуемся дважды в щеку, как принято у европейцев. Приятно его касаться. Так редко со мной такое.

– Даша, передавай поздравления с днем рождения своей маме! Если ты не поздно освободишься, может встретимся вечером в баре? Я должен не поздно закончить ужин. Это пожилая пара – наши партнеры в России. Они не станут сидеть долго.

– Да, Энди, хорошо. Пиши, только не в последний момент.

Часов в девять – десять можно попробовать.

Andy: «Даша, ты где? Я освободился. По дринку?»

Без двадцати минут полночь.

Я заканчиваю ужин с Джастином Вайном в «Wine&Crub», новом новиковском дефицитном до столов на ближайшие полгода ресторане в Третьяковском проезде. Джастин американец еврейского чернобрового происхождения. Ему сорок, у него гладко выбритый череп, надушенная борода, идеальное под джемпером тело. Невероятный низко-бархатистый голос. Наша первая встреча была три дня назад в ресторане «Большой» – за уместным шампанским и устрицами перед походом на оперу «Князь Игорь» в расположившийся по соседству одноименный театр. Накануне Джастин пишет мне в Тиндер «Могу я пригласить вас на ужин?» и получает «Да. Только ужин идет комплектом с Большим театром». Джастин пока что делает практически все, что я говорю, и улетает через четыре дня.

А Энди появляется без двадцати минут полночь вместо девяти.

Ну к черту же!

Утром он пишет мне из аэропорта, что был рад встрече и что его рейс задерживается. На второе сообщение я тоже не отвечаю.

Рвань вторая, сборная Тенерифе

Одиннадцатое июля

Лингвистическая самооценка уверенно оторвалась от липкого пола. Сегодня вечером Джеймс, инвест-блондин из Лондона, понимал меня, а я понимала Джеймса. Парню тридцать шесть, его дочери девятнадцать и он растит её один с рождения, у него очень британское поло с бараном all saints (у all saints есть поло?!?) и его главное приключение под грибами – написать «неуместный» комментарий на «фАйсбук».

Несколько минут размышляю над сложной конструкцией его пост-дiner (*после ужина) сообщения.

I would have liked to have kissed you.

Мне бы хотелось поцеловать тебя?

Мне бы хотелось хотеть поцеловать тебя?

Мне жаль, что я тебя не поцеловал?

Для чего столько «иметь» в одном не случившемся поцелуе?

Тиндер обеспечивает меня ежедневными практическими занятиями английским, досугом по настроению: от устриц и оперы до путешествий на выходные; Тиндер поставляет мне заказчиков по копирайту и костюмам bespoke, по немисли-

мому стечению обстоятельств выдает людей, чьи советы и экспертиза мне нужны сию минуту.

«Всегда говори да», где Джим Керри сначала лежит на диване с мухой на лбу, а потом начинает бросаться во все авантюры и встречает отличную девчонку, – один из моих настольных фильмов. Именно настольных, а не любимых, потому что люблю я красивое, странное и шероховатое. «ВГД» же эстетически никакой, как и большая часть американского, идея не нова. Зато она мне очень близка. Пока ты сопротивляешься всему приходящему – ты лузер и тебе скучно. Как только соглашаешься и перестаешь нервно пихать в нос судьбе свой план, все становится интересней, легче и лучше, чем ты мог бы планировать.

Три недели назад привычно проснувшись близко к полудню с тяжелой после Атаракса головой, я открыла Фейсбук и увидела рекламу в сообществе triptodream. Распродажа билетов Москва – Тенерифе – восемь с чем-то тысяч туда-обратно. Еще полчаса в постели листаю ленту с друзьями – с большей частью из них никогда не ела и не съем яблоко на набережной. Все скулят, что в Москве февраль, потому что плюс десять и им тошно. Мне тоже тошно, от их шуток даже больше. Пара коротких спонтанных прыжков по Европе, две неудачные (или нужные?) встречи, веселая сорвиголова депрессия – вот что случилось в последний месяц. Надо уметь замечать и срывать символы. Где вообще это Тенерифе?

«Тенерифе – самый крупный остров в составе архипела-

га из семи Канарских островов в Атлантическом океане. С относительно небольшой площадью в 2034,38 км² и населением в 906 800 человек, что составляет 43 % численности населения всего архипелага, он является самым населённым в Испании...»

Испания. О'кей. Дней пять там, потом Барселона, Париж и прочий евротрип. Больше сорока стран за тринадцать лет. Всегда любила путешествовать, всегда спасалась путешествиями. Сколько романов сейчас начинается с «Пришли мне копию загранпаспорта».

Сколько рушится с обнаруженного «левого» штампа из Шереметьево.

Сколько заканчивается в том же бизнес-лаунже по халявному Priority Pass (*карта обладателей депозитных счетов Сбербанка, открывающая доступ в бизнес залы по всему миру вне зависимости от класса обслуживания в полете), где чокались вином, а теперь пьешь чай с лимоном и rispetабельно с достоинством смотришь в окно.

Так весело, что хочется в самолет, так грустно, что хочется в самолет.

Тенерифе, билет в одну сторону, вылет через два дня.
Так я оказалась на острове.

Каждый второй здесь когда-то писал или пишет книгу. Восемь страниц, больше пока не слышала. Сказать, что сюда стекаются слабаки и неудачники со всего мира? Возмож-

но. Только вот одна вещь. Эта единственная европейская деревня, откуда не уезжает молодёжь. На время они утекают в Барселону, Мадрид, Майами, Лондон или Нью-Йорк учиться, ласкать амбиции, выдергивать листки своего жизненного календаря. Но всегда возвращаются. И если мы, чужие, как правило приезжаем сюда побитыми, они приходят домой, радостно и на трезвую выбрав вива ла вида вместо погони за не своими мечтами.

Карлос, высоченный в честных два метра канарский испанец с кудрявой смолью и имеющей значение на Тенерифе фамилией, именно такой. Лондон и Майами – чтобы стать недостижимой высотой в своей псевдо-испанской колыбели. Учился, путешествовал, вернулся, прошлой ночью играл для меня в своём, самом модном здесь, клубе, переставляя диски и подозревая нажать кнопку выпуска бумажек в толпу.

Позапрошлой – ненавязчиво демонстрируя фамильный бутик-отель с балийскими мамиными находками, напротив гольф-поля, под гул толпы, экзальтированной концертом самого желанного сальсамена современности.

Клуб на самом деле дурацкий. Не люблю такую музыку бит в лоб, душно. Им всем нравится. Они будто модные, на каблуках, куча русских блондинок в поддельных Herve Leger и черных узких шортах. Некоторые в солнцезащитных очках. Бог мой. Карлос забрал меня с пляжа, я в соли, волосы уже почти рыжие, так выгорели (приехала коричневой дорогой брюнеткой), торчат копной. Кеды, майка, джинсовая

подростковая мини.

– Как тебе? Мы заказали эту музыкальную аппаратуру два месяца назад и заплатили огромные деньги. Зато теперь мы единственные с таким звуком!

– Здорово! Я удивлена таким качеством и уровнем, Карлос. После Москвы, Парижа и прочего... У тебя даже лучше!

Карлос расплывается, целует в щеку и просит подождать в «випе» – огороженном загончике-возвышении над баром и диджеем. Ужасно душно. В толпу бьют ледяной струёй каждые десять минут, Вип берегут от простуды.

Каждый при своём. Карлос получил комплимент и пошёл налаживать свет, я – возможность наблюдать без восхищений.

Столько смешных, ей богу, ну зачем ты в очках? Есть красивые, груда тел и прокаченных мышц, но по расположению глаз – очень близко посаженных – глупые испанцы. Карлос толстоват, рассказал, что недавно обнаружил проблемы со щитовидной железой и ещё не научился контролировать вес в новых обстоятельствах. Майки, плечи, руки, идеальные торсы и впадины над самой низкой точкой бедра. Дибильноватые лица. Видимо, так только и бывает. Толпа у бара подо мной машет руками, счастливицы отходят со стаканами из плотного пластика над головой.

Ну что ты так смотришь? То ли еврей, то ли испано-армянин... Момент... Ах, так Аркаша! Записан мудаком в телефоне, оставив кучу красивых фоток на фоне Монтанья Роха

(*Красная гора – самая известная гора, символ острова Тенерифе, расположенная на пляже Ла Техита в городке Эль-Медано), несостоявшийся якобы проспанный ужин и моё глубоко желанное сообщение «Ясно, что это в никуда, но не могу не сделать тебе комплимент. Ты поступил как отменный мудака. Зная, что у девчонки и так сейчас пиздец, ещё подарить ей такой неприятный осадок. Мерзко» – без ответа.

Уставился прочно, не ожидал, а я, лучше не придумаешь, не сразу узнала. Чуть приподняла руку, лёгкий кивок и ухмылка уголком губ. Отлично. Я над, с владельцем всея Тенерифе – ты топчешься у бара. Какая удачная встреча. Отличный клуб! Отличный Monkey Beach! Танцевать!

Аркаша и Triangl

Вообще-то я редко встречаюсь с русскими в путешествиях. Есть что-то отталкивающее в наших иммигрантах, что-то жалкое и одновременно претенциозное. Они уже плохо говорят по-русски, но еще не хорошо по-английски. Ну а я никак по-испански. Они зачем-то ругают все, что случилось в России (даже если они, например, из Латвии), а хвалить Евросоюз им пока что тоже не за что, потому что еще совсем не устроены. Даже если богаты. Устроенность – это же совсем не про деньги. Русскоязычные иммигранты удручают даже когда не работают таксистами.

Однако первые недели поездок устаешь настраивать ухо и кипеть мозгом на английскую речь, особенно в испанском

смуглом диалекте.

Arkadiy, 29

Аркадий пишет решительно и по делу. За пару сообщений он узнает, где я остановилась и как, а, важнее, где, провожу дни. Мы договариваемся о встрече в трехстах метрах от моей пляжной соломки на Лос Кристианос.

Пляж огромный, белый и шумный. Четыре часа назад меня привез швейцарец на арендованной новенькой БМВ, поспрашивал про Путина и пигментные пятна, рассказал про секты, не выдержал жары и уехал. Его сменил местный канарский пожарник в модных оранжевых плавках-боксерах. Он принес воды и без спроса сделал массаж стоп. Вечер по-прежнему был свободен. Поэтому пройти расслабленными ступнями триста метров вдоль гудящего испанской брехней океана, чтобы встретить русскоязычного пусть и Аркадия было не жаль. Ну и поужинать, конечно.

На фото Аркадий был моложавым худым и высоким евреем. С большой смешной шапкой кудрявых волос, но модной футболкой и чем-то ироничным в лице. Еще он любил очки, а я с детства млею от очков на мужских носсах.

В общем, не знаю, как опоздав на полчаса, я узнаю Аркадия по росту и кудрявой шапке волос у входа в торговый центр.

– Привет! Извини, пожалуйста, что-то не рассчитала со временем, оказалось, идти сюда почти километр.

– Я уж думал, передумала. – радуется Аркадий, притяги-

вает и целует меня в щеку. На нем даже по мне слишком модные очки. Почти круглые, крупные на пол-лица и светлого оранжеватого стекла. Парень выглядит долговязой курчавой черепахой и в лучшем случае метросексуалом. Все вроде бы и ладно вместе: белое поло, светлые брюки, мокасины. Во всем, кроме очков, тихая дороговизна. В очках – громкая. Старался в отличие от меня. Я в песке, трехдневной пляжной майке, мокром купальнике и с особенно белым от SPF-защиты на фоне вот-вот заката лицом.

Всегда неловко за людей с дурацкими именами. Обычно при встрече я сразу говорю свое имя. Но зачем ставить Аркадия в неловкое положение.

– У меня вообще план есть. Я придумал программу, шо тебе показать. Сейчас пойдем, здесь Мохито бар на набережной и будем смотреть закат.

Шо. На странице в Тиндер было несколько флажков, один из которых желто-голубой. Украина, ну и ШО же? Ох, шо я за сноб.

– Класс, пойдем. Только я не пью Мохито.

Мы встречаемся с Аркашей несколько дней. Он кормит нас осьминогами, развлекает дальними пляжами и местными клубами. Он из Киева, говорит и правда немного смешно, но в целом умно. В начале он был архитектором, потом решил изобрести в Украине уже изобретенные в Америке премиальные бургеры. Говорит об этом вдохновенно, как

сам готовил, сколько котлет соорудил, прежде чем вышло на столько вкусно, на сколько дорого. Как создавали бренд, потом сайт, как придумали резиновые перчатки (он правда верит, что это уникально его изобретение), как снимали клипы. А потом пришли киевские ресторанные монополисты, сперва предложили сотрудничать, выудили рецепт и открыли ресторан с тем же названием, но уже без Аркаши. Аркаша пошел в суд, но не преуспел, и затем почему-то решил уехать жить на Тенерифе. Он из богатой армянской семьи, поэтому иммигрантство для него началось с покупки пентхауса в одной из лучших резиденций в Эль Дюк. А Эль Дюк – место с самыми дорогими здесь резиденциями. Он даже несколько месяцев был женат на украинской русоволосой Инстаграм модели, но здесь некому было класть ей на ногти шеллак и снимать в интернет-рекламе, поэтому семья, увы, распалась. Пары диссидентства, видимо, расплылись на всем постсоветском пространстве.

Аркаша хороший, но какой-то беспомощный. Во второй вечер он, не спросив, привозит меня к себе домой.

– Привез – заявка. Мне лень разыгрывать оскорбление и драму. Но я не буду с тобой спать. – снисходительно говорю в лифте, пока он хвалит мне брови. Тогда Аркаша смиренно идет на кухню готовить нам витиеватый салат с авокадо и маргариту без сахара.

В другой день он везет меня на r&b вечеринку в Папагайо

– пляжный клуб с претензией и дерматиновыми белыми диванами (кстати, главный конкурент monkey beach и Карлоса). Поит текилой и пристально оценивает эффект после каждого шота. Сегодня, кстати, без ужина. Семья все ж, наверно, армянско-еврейская.

– Даш, я тебя не понимаю... Мы взрослые люди, мы друг другу нравимся. К чему тянуть? – если бы Аркаша мог раздражаться, здесь было бы много отчаяния. Он проводил меня в мои апартаменты в Лос Америкас, сидит в моем пластиковом стуле на моей террасе и гладит мои ноги. Он даже дышит уже так, будто преуспел.

– Устала. Провожу тебя.

Честно говоря, мне и ответить-то нечего. Я не выдерживаю правило семи свиданий, не проверяю, не вожу за нос. Есть что-то в этих встречах бессмысленное, но в то же время приятное. Пик удовольствия – провожать взглядом грустную спину и юркую руку, которая поправляет брюки. Мне с ним больше не надо.

В конечном итоге он говорит не совсем так и не совсем то, он шокает, у него тонковатые руки. Мы танцевали и даже сальсу – не коротнуло. Мне даже кот его абиссинец не очень нравится, а ведь я обожаю котов. Из плюсов: огромная в дереве терраса в Эль Дюк, где Аркаша мастерски сервирует коктейли, рассказывает про звезды с бургерами и не оставляет попытки стать ближе.

Однако в субботу мы едем на дальний кайтсерферский

пляж Ла Техита. Там непрерывно лупит песком, а потому людей немного, места предостаточно. Знойно и ветрено, Сахара прямо напротив через сотню километров океаном. Аркаша ни с того ни с сего начинает водить меня за руку и протягивает черное надушенное полотенце, говоря «для лица». Я почти плыву, так как всегда ведушь на отеческую заботу.

– Классный купальник. Триангл? – он деловито рассматривает именно оранжевые полосы из неопрена, как это делал бы Доменико или Стефано (*дизайнеры бренда Dolce&Gabbana, геи). Тут-то я понимаю, что к чему. Зачем секс, если он ни одной из сторон особенно-то не нужен.

– О, да ты эксперт, – вру.

– В нашей семье был такой. У жены.

После обеда он отвозит меня домой, предложив поужинать вечером, и пропадает до утра. Мой первый и последний вечер на острове без свидания и ночь с мелатонином без сна. Больше мы не виделись, и вот случайно в Monkey beach.

И почему эта история так меня задела.

Саймон был первым островным Тиндер-рыцарем, который уже через пару часов после моего прилёта на Тенерифе вёз меня на пляжную вечеринку. Сан Хуан – по-нашему Иван Купала – самый длинный день в году, когда прыгают через костры, оставляют прошлогоднее всё и обновляются по большей части алкоголем, лёгкими наркотиками и пляжными танцами в маловатых шортах. Об этом я узнала поз-

же и, конечно, улыбнулась символизму. Случайный дешевый билет в один конец на испанский остров на подбородке у Африки. Не успели сойти отеки после полёта со щиколоток – вечеринка-закрытие прошлого и позапрошлого с первым же Тиндер-мэтчем. Решиться и с разбегу прыгнуть через костёр прямо в океан – самый оперативный способ нащупать себя здесь и сейчас, а не блуждать среди незакрытых гештальтов.

– Будешь джин-тоник? – Саймон собирается проталкиваться к бару, оставив меня на белой пляжной кровати.

– Я могу пить только текилу. Потом расскажу. Можно мне шот с лаймом.

Я на бессахарной, безглютенной и безлактозной диете. Все для укрепления иммунитета, очищения организма, вечной жизни и молодости. Я ж решила ребёнка заводить, какая разница, что теперь не от кого, а сама буду готова.

– Ты куришь?

– Да, Саймон, это то немногое, что у меня осталось из способов приятно себя убивать. Что это за место такое, что сегодня за праздник?

– Ты очень вовремя прилетела, Даша, сегодня главная вечеринка года. Сан Хуан. Единственный день, когда разрешают жечь костры, обычно пожарные службы с этим очень строги. Здесь и так большая вероятность пожаров летом, особенно в районе Тейде. А это самый модный здесь пляжный клуб. В обычное время эти кровати стоят 85 евро в день.

Саймон из Уэльса, и не производит впечатление того, кто

часто арендует эти кровати. Ему свежие, загорелые и тем не менее сорок девять. Он профессиональный парапланерист, главную страсть своей жизни он решил сделать бизнесом, поэтому тринадцать лет назад перебрался на остров спускать туристов с высшей точки вулкана на пляж Ла Калетта. Я его хорошо понимаю. А это значит, что он много общается с русскими и его Британский шепоток адаптировался.

– Ты вообще одна приехала? Как так вышло?

– Ну для меня никогда не было проблемой одной путешествовать. Если нужна компания, как видишь, она легко находится, – понимающе улыбается, – Но на самом деле я только развелась. Я в порядке, но нужна перезагрузка.

– Понимаю, я тоже был женат. У меня три дочки. – Саймон открывает галерею в Айфоне и показывает трёх кристальных блондинок от пяти до двадцати с небольшим. Младшие ещё красивые, вытянутые как худые единороги, старшая уже грубовата.

– Золушки.

– Спасибо. У меня было два брака. Старшая дочь от первого – и живет в Швеции, две младшие от второго и живут с их мамой здесь, в Адехе. Сейчас они у меня на каникулах две недели. Ты голодная?

Два часа ночи, а в Москве четыре (и у меня тоже пока с непривычки). Я выпила три шота текилы и ела во время семичасового рейса орехи. Конечно, я голодная. На удивление некрасивые тусовщики на модных кроватях невкусно пьют

черти что из пластиковых стаканов и жуют сэндвичи, некоторые делят на пятерых пластиковую тарелку несексуальной паэлы.

– Немного. Но уже, наверно, без шансов найти что-то нормальное. Это все я не ем.

– Поехали, мы отвезём тебя домой, – Саймон вместе со своим двадцатипятилетним Икаром – итальянцем Маттино. Он как огромный несуразный ребёнок с крупными зубами и громким невпопад смехом. Смеётся, когда не очень понимает английскую речь.

– По пути будет БиПи, там перекусим.

– Давай.

Когда к нам присоединился Маттино, мне стало комфортней. Хотя Саймон и так держался в стороне, не пытался меня коснуться, тем более приобнять, не разглядывал мои ноги, пока мы ехали от моих апартаментов, хоть я и сидела на соседнем сидении совсем под рукой. И все равно втроём лучше. Тогда точно не будет неловкого момента. Вообще они оба мне нравятся. Они ржут, дурачатся и не стараются мне понравиться. Маттино совсем как дибильновато-наивный оленёнок-подросток, Саймон как уже старый и тихий, но при этом гораздо крепче градусом молодого. С ними легко, мы прямо банда без подвоха и сексизма. Хохочу вместе с ними как самая громкая.

На заправке и правда оказывается отличная круглосуточная забегаловка со свежими тапасами (*традиционные ис-

панские закуски). Ребята уже знают мой фуд-райдер и заказывают мне ведро тунца в масле и кучку листьев, сами по пиву и сэндвичу.

– Эй, чуваки! Брат, этим ребятам по рому за мой счёт! И то, что они уже заказали, тоже на меня!

Не угрожающе шатаясь и, конечно, без приглашения за наш стол падает сухой испанец лет сорока, пьяный или сумасшедший, а может все вместе. Я почти его не понимаю, но не только потому, что не знаю испанский. Маттино знает, но тоже хмурит брови. Наш новый знакомый так нам рад, что даже неловко просить его уйти. Надеюсь, за улыбками и весёлой автоматной очередью из «коньё» и «пута мадре» (*испанский отборный мат) не последует отменная латиноамериканская заточка.

– Таша, почему не пьешь ром? – испанец выпросил наши имена и почти запомнил. Мы так растерялись, что не спросили в ответ.

– Даша. – Саймон зачем-то поправляет мне имя и едва заметно раздражается.

– Таша, ты очень красивая, сколько тебе лет? – испанец весело плещется стаканом рома, говорит быстро и расхлябанно, но радостно и безопасно, – Это твоя женщина? – поворачивается он к Маттино, выдавая предельную непроницательность. Ну какая женщина может питать к Маттино чувство принадлежности? Разве что сам Маттино может принадлежать своей итальянской властной маме.

– Это моя женщина. – почти без улыбки рубит Саймон, – и она устала. Поехали.

Ребята отвозят меня домой на минивене (Саймон возит там клиентов и парашюты). Маттино засыпает на заднем сидении.

Каждое упоминание Лондона по-прежнему электризует. То вдруг соберусь выходить на пробежки, то лететь учить британский английский. Четыре дня. Слишком острая раковина-уродина.

– Единственное, о чем мы не спорили с моей бывшей, – это имя нашей дочери. Хлоя. Она всегда пользовалась парфюмом с таким названием, я всегда ей его дарил, и мне нравился аромат.

Кике испанец. Его бывшая, кажется, бельгийка. Хлое четыре года. Они никогда не были женаты и разошлись совсем, когда дочери было полгода.

Мы встречаемся второй раз. Первый ужин как-то слишком магически попытался нас сблизить, вплоть до рассуждений о совместной поездке в Марракеш. Теперь мы обедаем в моей пляжной Тиндер-резиденции – пафосной террасе ресторана El Mirador – по соседству с архипелагом лучших островных пятизвездников. В двух шагах от пляжа, где я привыкла дремать в течение дня, да и официанты тактично не удивляются моим неизменным визитам с каждый раз

меняющимися мужскими лицами.

Кике сорок девять, но он очень кинематографично красив. Блестяще серебристые уложенные кудри, щетина, вытянутое лицо правильной формы и не грубо крупными чертами. Он из Мадрида, но живёт на Тенерифе больше пятнадцати лет. Малодушно-случайно став химиком и проработав несколько лет в лабораториях, Энрике потерял всякое любопытство к карьере и особо ничем не занимался. Пока его баскская мама не принесла ему газету с объявлением о наборе в авиадиспетчеры. Там был колоссальный конкурс, и не нужно было знать ничего, кроме английского, который у Кике всегда был в совершенстве, поэтому он, конечно, оказался среди счастливых кандидатов из двадцати тысяч пытавшихся. Не из-за английского, конечно, а потому что Кике фартовый. Потом было обучение и распределение по аэропортам Испании. Среди них был Тенерифе Сюр. С тех пор Кике живёт здесь. Удивительно.

Удивительно, но у него большой красивый дом на берегу океана в Эль Медано, виндсерферском городке недалёко от аэропорта. Он держится гордо и даже величественно как олдскульный француз, при этом тепло и просто как состоявшийся итальянец. Прекрасно образован, интересен, но напроць лишён любой хватки. Только красивые длинные пальцы с изящными ногтями и стареющей кожей.

– Мне не раз предлагали другую работу, с большими возможностями. Но первое, что я слышал: ты должен быть на

связи 24 часа в сутки, – и я всегда отказывался. Я хорошо зарабатываю и мне нравится мой график. Моя работа ответственная, но позволяет мне жить, путешествовать, кататься на виндсерфе. Но главное – когда я закончил работу, я ушёл и забыл про неё до завтра. Никаких мыслей, терзаний и сомнений.

Пока подавали тар-тар, я не то чтобы специально разглядела, как солнце все же прилепило годы к его красивому лицу. А может быть представлять себя блуждающей по базарам Марокко с напрочь лишенным амбиций баском по крови, но не по сути, захватывающе только в первый вечер текилы с лаймовым соком.

У Карлоса плитка в гараже под зебру и знатный уголок с рыболовными снастями. Сегодня он надел Бриге с ярко-желтым каучуковым ремешком и явно настроен решительно. Это уже смешно, но каждый мужчина, который когда-либо хотел произвести на меня впечатление, начинал с еды. Ну хорошо, почти каждый. Вот и Карлос стоит у своей рестораторской плиты, время от времени до мурашек подбрасывая на сковородке овощи.

– Этого тунца я поймал сам и забрал сегодня из ресторана, чтобы приготовить для тебя. – У него несколько ресторанов и клубов не островного уровня. Кухня божественная. Вчера он водил меня в свой самый первый и самый до пустоты приличный – японский, – жаловался, что местные слишком

просты, чтобы по достоинству оценить все его задумки. Даже иронизировать не стала. Правда.

– Почему же тогда ты вернулся сюда из Штатов? Если считаешь, что здесь для амбиций тесновато.

– У меня здесь лодка, и я люблю выходить рыбачить. Я родился на океане, и он мне необходим. Амбиции? Я много сделал, достаточно для себя, Даша. Здесь моя семья. Я хочу жить, а не гнаться.

Любимое детище Карлоса – Monkey beach club – до треска наполняется европейскими столицами и островными поигрывающими мускулами каждые выходные.

Несмотря на некоторые наивные перегибы, мне нравится его новый дом. Здесь все гигантское. Диван «Честерфилд» в четыре деления вместо стандартных и так значительных двух, огромная жестяная пальма-лампа на террасе напротив вертикального сада с кактусами (только эти растения у него выжили). Но потолки низкие, как и во всей Испании. Особенно на фоне его двухметрового роста.

Карлос не приглашал меня на свидание неделю. Только независимые сообщения и один звонок. А все потому, что очень любим и желанен для всех соискательниц прекрасной партии, ну и для себя самого, разумеется.

В субботу днём он прислал мне семь одинаковых фотографий с собой, братом и пойманным двухметровым марлином. Семь одинаковых фотографий. Это что-то да значит.

D: «Класс. Мне занимать вечер или у тебя есть план для

меня?»

К черту, спрошу, не детей с ним крестить. Сегодня в Манки вечеринка, он всегда меня приглашает. Но тут решил показать, кто принцесса.

Carlos: «Я прихожу в порт в семь, встретить меня»

Ни пожалуйста, но сослагательного наклонения.

D: «Я занята до восьми – полдевятого, после готова обсудить с тобой планы»

Carlos: «Я не привык быть вторым блюдом»

О, так у принцессы еще и пмс.

D: «Я тем более»

Carlos: «Я на рыбалке со своими коллегами»

D: «Я пишу свою книгу»

Carlos: «Прекрасно, встречай меня в семь»

D: «Тебе не кажется странным и невежливым просить девушку встретить тебя где-либо, тем более если ей это неудобно? Просто интересно.»

Carlos: «Нет».

D: «Карлос, я не могу встретить тебя, так как я занята своей работой и книгой до восьми тридцати»

Carlos: «Очень жаль. Ведь если ты не придешь в порт, то не увидишь рыбу, которую я поймал»

Последняя фраза переворачивает моё видение неслыханного хамства на сто восемьдесят. Вот что со мной не так? Почему везде видится война и противостояние, желание обмануть и оседлать. Подавить волю, быть в дамках. Почему

в дамках может быть лишь один из двух? Он просто хотел показать мне рыбу. Порт в десяти минутах от меня. На самом деле я не занята ни работой, ни книгой. Он зовёт меня прийти встретить его с братом на яхте. Что также означает – он без женщины. Ему нечего скрывать. И он хочет похвастаться своей добычей именно мне.

D: «Я постараюсь закончить главу быстрее. Напиши мне за полчаса»

Carlos: «Отлично» Веселый смайлик.

Как я уже говорила, поскольку я никогда не довожу дело до конца, я решила писать книгу. Для тренировки. Вот и с новыми знакомствами так. Тиндер – мой психиатрический тренажёр. В подобной ситуации «встреть меня в порту» я бы просто возмутилась, не ответила и смахнула переписку в архив. И больше никогда с ним не встречалась. И с Карлосом-рыболовом мне хотелось сделать так же. Но хрупкая секундная мысль «Мы общаемся на ни мне, ни ему не родном английском, мы общаемся в ватсап. Возможно недопонимание» – дала мне шанс увидеть повергнутого двухметрового марлина у ног двухметрового Карлоса и понять, сколько ерунды было сделано просто от того, что мужчина хотел показать мне добычу, а я стояла на независимости.

Вечеринки в Манки Бич и в субботу, и в воскресенье. Воскресенье даже более прожженное, кто бы знал, почему, понедельник-то стандартно рабочий, даже с учётом сиесты.

Самые тугие по наполненности вечеринки в Манки именно по воскресеньям. В общей зоне клуба не протолкнуться, все хотят твои руки, щеки, губы. Однако в полночь Хавьер, брат Карлоса и диджей, включает свет как на школьной дискотеке, и гламур послушно разбредается. Хавьеру я явно не нравлюсь. Долго старается не пересекаться со мной взглядом, чтобы не здороваться, а при первой встрече и приветственных поцелуях по-хозяйски похлопал меня по бедру. Насмотрелся с младшеньким всяких телок, не охота запоминать в лицо. Но лицо все мелькает и мелькает, значит, фартовый до глупых баб Карлос в этот раз неуспешен.

– Как дела? – Брайан, индийский друг Карлоса, такой же огромный, но только вширь, смотрит ухоженным рэпером, с огромными стразами в обоих ушах, пытается говорить по-русски. Он называет себя дизайнером одежды, и я ему верю, потому что он первый здесь, кто понимающе кивает при звуке Кристиан Лабутен и Агент Провокатор.

– Очень хорошо, – отвечаю по-испански. Оба горды своими тщедушными познаниями.

Брайан смотрит на меня почти с почитанием друга семейства, будто у нас с Карлосом успели родиться дети. Хавьер – как на очередную русскую шлюшку, просто несговорчивую. А сам Карлос просто восхищён, что сегодня я с макияжем и у меня красные матовые губы. Он гордо ведёт меня за руку и периодически целует в макушку.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.